

Frantsev, Vladimir Andreevich
Glavneishie momenty

В. А. Францевъ.

ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ РАЗВИТІИ ЧЕШСКАГО СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ.

Вступительная лекція, читанная 8-го ноября 1900 г. въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское-Предмѣстье, № 3.

1901.

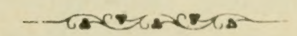
Маститому [illegible] Федоровичу Каминскому

от автора

В. А. Францевъ.

ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ РАЗВИТІИ ЧЕШСКАГО СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ.

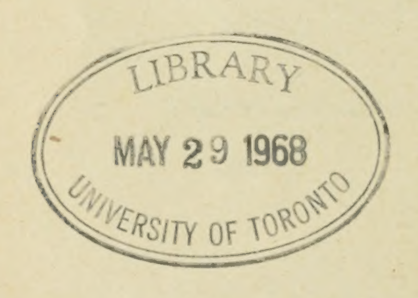
Вступительная лекція, читанная 8-го ноября 1900 г. въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское-Предмѣстье, № 8.
1901.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ проф. *Г. К. Ульяновъ.*

Главнѣйшіе моменты въ развитіи чешскаго славяновѣдѣнія.

Вступительная лекція, читанная 8-го ноября 1900 г.

и. д. доцента В. А. Францевымъ.

Въ интересахъ выясненія современныхъ задачъ славянскихъ изученій, какъ въ спеціальныхъ отдѣлахъ науки, такъ и въ вопросѣ взаимныхъ ихъ отношеній и служенія другъ другу, задачѣ, которыя должны быть ясны для каждаго, посвящающаго себя славистикѣ, полезно оглянуться назадъ, на пройденный уже путь, чтобы воспользоваться тѣми указаніями и поучительными уроками, которые даетъ исторія предмета. Обозрѣть весь длинный путь развитія славянскихъ студій у всѣхъ славянскихъ народовъ, во всѣхъ частяхъ этого пути отмѣтить наиболѣе выдающіеся пункты нѣтъ возможности въ краткой лекціи. Мы имѣемъ поэтому въ виду ограничиться разсмотрѣніемъ наиболѣе существенныхъ моментовъ въ развитіи славяновѣдѣнія чешскаго и останавливаемся на немъ потому, что наука славяновѣдѣнія въ чешскихъ славистахъ имѣетъ своихъ первыхъ представителей, положившихъ основы тому широкому зданію, которое называется славянской филологіей. Въ этомъ отношеніи разсмотрѣніе главнѣйшихъ моментовъ этого развитія можетъ быть весьма поучительно, тѣмъ болѣе, что оно въ извѣстной степени можетъ послужить введеніемъ къ предстоящимъ намъ спеціальнымъ занятіямъ исторіей и литературой народа, создавшаго эту науку.

Чешское славяновѣдѣніе началами своими восходитъ ко второй половинѣ прошлаго столѣтія. Многочисленные чешскіе ученые и писатели XV, XVI и особенно XVII столѣтій знали, правда, широкій міръ славянства, иногда по личнымъ впечатлѣніямъ, а чаще по трудамъ чужимъ; они посвящали историческимъ судьбамъ, быту и нравамъ его и цѣлые труды и отдѣльныя части своихъ разнообразныхъ произведеній, но отъ этихъ случайныхъ и иногда довольно наивныхъ свѣдѣній о славянствѣ, отъ ясно выраженнаго сознанія племенного и язычнаго единства далеко еще до систематическаго, строго-научнаго изученія славянства во всѣхъ проявленіяхъ его духовной жизни, какимъ это изученіе представляется въ наукѣ, именуемой славяновѣдѣніемъ. Зато въ области спеціально изученія своего родного языка чехи очень рано обнаружили многочисленныя и крупныя силы, и въ ряду работниковъ на этомъ поприщѣ выдающееся мѣсто занимаетъ Янъ Гусъ, создатель новаго чешскаго правописанія. Всѣ грамматики и лексикографы чешскіе имѣли преимущественно въ виду изученіе и устроеніе чешскаго языка, остальныя славянскія нарѣчія, если и были имъ знакомы, то не являлись предметомъ спеціальнаго изученія, а были лишь случайнымъ привѣскомъ въ области сравненія лексикальнаго.

Но развитіе и изученіе чешскаго языка не совершалось путемъ спокойнымъ, ровнымъ. На нихъ всею силою отразились политическія бури XVII ст. При всѣхъ однако потрясеніяхъ и бѣдствіяхъ тридцатилѣтней войны, при самыхъ энергичныхъ усиліяхъ подавить въ чешскомъ народѣ всякіе проблески самобытной мысли, сознаніе славянскаго единства было живо въ чешскомъ народѣ, долго сохранялось незримымъ для зоркаго ока его суровыхъ опекуновъ, подъ пепломъ развалинъ, въ видѣ тлѣющей искорки, и съ новой силой вспыхнуло при свѣжемъ вѣтеркѣ, раздувшемъ эту угасавшую уже искру. Только конецъ XVIII ст. повѣялъ свѣжимъ дыханіемъ новой жизни.... Если значительное большинство писателей чешскихъ XVI—XVII вѣка въ числѣ задачъ, которыя они имѣли въ виду, издавая свои труды, ставили себѣ между прочимъ и „возвеличеніе“ чешскаго языка, его распространеніе и развитіе, и по мѣрѣ силъ своихъ и умѣнія всякій

мирно шествовалъ къ осуществленію этой высокой цѣли, то писатели XVIII, а за ними и XIX-го столѣтія начинаютъ рѣшительную борьбу за права чешскаго языка.

Ряды бойцовъ, защитниковъ приходившаго въ упадокъ чешскаго языка положительно поражаютъ какъ своею густой и согласной сомкнутостью, такъ и отличными дарованіями, вышедшими на поле благороднаго соревнованія въ дѣлѣ защиты правъ попираемаго народнаго достоянія.

Въ рядахъ этихъ защитниковъ мы встрѣчаемъ имена: Ф. Дуриха и І. Добровскаго, Ф. Пельцля и Фр. Кинскаго, Ганке фонъ Ганкенштейна, К. Игн. Тама, Яна Рулика, нѣсколько позже: Фр. Томсы, а за ними идетъ длинная вереница ихъ преемниковъ: Пухмайеръ, Ганка, Юнгманнъ, Шафарикъ и мн. другихъ. Всѣ они дружно возстали на защиту родного языка и своими популярными трактатами и учеными изслѣдованіями зажгли въ сердцахъ добрыхъ чеховъ дремавшій пламень любви къ своему отечеству и великой славѣ его минувшаго.

Со временъ Добровскаго, совершившаго ученое путешествіе (въ 1792 г.) въ Россію, въ Чехіи получаетъ нѣкоторое распространеніе русскій языкъ и проникаетъ чаще въ чешскій ученый и литературный міръ русская книга. Добровскій самъ составляетъ небольшой учебникъ русскаго языка.

Блестящая эпоха Екатерины и ея побѣдоносныхъ войнъ сильно подняла обаяніе Россіи въ славянствѣ, а вскорѣ затѣмъ послѣдовавшія наполеоновскія войны создаютъ ближайшее общеніе и непосредственное знакомство западнаго славянства съ русскими людьми (напр., А. С. Шишковымъ, Румянцевымъ). Этимъ отчасти путемъ создается интересъ къ русской наукѣ и литературѣ, и знакомство съ этимъ новымъ міромъ сильно отражается въ чешскомъ національномъ движеніи начала XIX ст. и въ чешской славянской наукѣ. Юнгманнъ уже громкимъ голосомъ призываетъ соотечественниковъ: „Учитесь другимъ славянскимъ языкамъ, особенно русскому и польскому, безъ знанія которыхъ нельзя сдѣлаться настоящими чехами: ихъ знаніе освѣтитъ и чешскій языкъ и откроетъ вамъ новый міръ, міръ славянскій, который уже своимъ именемъ дорогъ для чеха, міръ обширный и богатый!“ Кличъ его не

остался безъ отклика. Такимъ образомъ, изученіе чешскаго языка естественно приводило болѣе основательныхъ ученыхъ на новый путь, — путь изученія родственныхъ славянскихъ языковъ, а вопросы исторіи и древней письменности и старины спеціально чешской вводили ихъ постепенно, по мѣрѣ развитія этихъ изслѣдованій, въ кругъ болѣе широкихъ изученій культурной жизни славянскаго міра вообще.

Отцомъ славяновѣдѣнія вообще и славянскихъ изученій у чеховъ въ частности называютъ обыкновенно знаменитаго аббата Іосифа Добровскаго, но на этомъ пути у него былъ одинъ великій предшественникъ въ лицѣ Фортуната Дуриха [1]. Этотъ въ высокой степени симпатичный, проникнутый въ стремленіяхъ своихъ чистымъ идеализмомъ и одушевленный горячей любовью къ старой славянской письменности ученый, имѣлъ, по собственному признанію Добровскаго, рѣшительное вліяніе на характеръ и направленіе ученыхъ занятій его. „Одинаковыя занятія, говоритъ Добровскій, сближали насъ все больше и больше. Несмотря на все расположеніе Дуриха къ изученію вопросовъ филологіи еврейской, онъ однако чувствовалъ бóльшую склонность къ славянской письменности и давно помышлялъ вполнѣ посвятить себя ей. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ обращалъ мое вниманіе на свой излюбленный предметъ и все болѣе и болѣе склонялъ меня къ нему. Для меня поучительные уроки его, какъ для всѣхъ знавшихъ его, его безупречная жизнь, останутся незабвенными“. Первымъ опытомъ Дуриха въ излюбленной его области было небольшое изслѣдованіе: „De slavo-bohemica sacri codicis versione dissertatio... Pragae, 1777“, положившее начало славян-

---

[1]) Значеніе его дѣятельности и отношеніе его къ Іос. Добровскому опредѣляетъ проф. Ф. Пастрнекъ въ прекрасной лекціи: O počatcích slovanské filologie v Čechách... Č. Č. M., 1896, 67 sqq. Богатый матеріалъ для исторіи взаимныхъ отношеній Дуриха и Добровскаго заключаетъ переписка ихъ, изданная А. О. Патерой: Vzájemné dopisy J. Dobrowského a F. Duricha (1778—1800). Praha, 1895. Единственнымъ цѣльнымъ, хотя и далеко неполнымъ, очеркомъ жизни и дѣятельности Дуриха является работа Яна М. Чернаго: Fortunát Durych, první slavista český. V Turnově, 1890.

скимъ изученіямъ въ чешской филологической наукѣ. И самъ Дурихъ сознавалъ, что онъ кладетъ своимъ скромнымъ трудомъ основаніе наукѣ, дотолѣ у чеховъ не существовавшей. Тутъ онъ прежде всего касается вопроса о старославянскомъ языкѣ, говоритъ объ обѣихъ его азбукахъ кириллицѣ и хорватской (ему только и извѣстной) глаголицѣ, о рукописныхъ и печатныхъ церковныхъ книгахъ, о грамматикахъ и словаряхъ старославянскихъ; даетъ во второй главѣ краткое обозрѣніе чешскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ Св. Писанія и, наконецъ, сообщаетъ образцы старославянскаго языка съ нѣкоторыми замѣчаніями о немъ.

Разсужденіе Дуриха имѣетъ свои недостатки, истекающіе главнымъ образомъ изъ малаго знакомства его съ старославянскимъ языкомъ, но у него не было возможности достигнуть болѣе надежныхъ выводовъ: памятники старославянскаго языка въ ту пору были еще почти не извѣстны, или весьма мало извѣстны. Тѣмъ не менѣе оно имѣло тѣ благодѣтельныя послѣдствія, что вызывало къ разрѣшенію цѣлый рядъ не затронутыхъ еще вопросовъ и въ то же время сообщало рядъ такихъ свѣдѣній, которыя до того времени не были еще сообщаемы.

Капитальнѣйшимъ трудомъ Дуриха является его „Bibliotheca Slavica“, первый томъ коей вышелъ въ Вѣнѣ въ 1795 г., трудъ, къ сожалѣнію, не оконченный.

Этотъ томъ долженъ былъ послужить только введеніемъ (Introductio) къ задуманной Дурихомъ „Славянской библіотекѣ“ (въ пяти частяхъ), программу коей онъ начерталъ вслѣдъ за предисловіемъ къ первому тому. Сообразно программѣ Дуриха, „Славянская библіотека“ должна была представить полную исторію древнѣйшей славянской письменности, объяснить происхожденіе обѣихъ славянскихъ азбукъ, описать рукописные и печатные памятники этой письменности, сообщить необходимѣйшія извлеченія изъ нихъ.

Геніальнымъ и, какъ геній, въ высокой степени самостоятельнымъ продолжателемъ работъ по изслѣдованію разнообразнѣйшихъ вопросовъ славянской филологіи является Добровскій, именуемый патріархомъ славистики. То, что робкой и нетвердой рукой едва намѣчено и набросано было Дурихомъ, получило подъ перомъ

Добровскаго сильныя и строго опредѣленныя очертанія, а цѣлый рядъ новыхъ и притомъ капитальныхъ вопросовъ поставленъ былъ имъ въ многочисленныхъ его изслѣдованіяхъ и статьяхъ. Не было, кажется, области славяновѣдѣнія, въ которой геній патріарха славистики не создалъ бы самостоятельныхъ взглядовъ, не указалъ бы новыхъ путей изслѣдованія, не намѣтилъ ряда вопросовъ для цѣлыхъ поколѣній работниковъ на этомъ поприщѣ.

Въ его трудахъ нашли себѣ выраженіе или были затронуты вопросы древней исторіи славянской вообще и чешской въ частности; съ одинаковымъ рвеніемъ и высоко плодотворными результатами онъ освѣщаетъ новымъ свѣтомъ вопросы древней письменности славянской; онъ даритъ ученый міръ капитальнѣйшими трудами по изученію старославянскаго языка и живыхъ славянскихъ нарѣчій; въ его сборникахъ отводится широкое мѣсто вопросамъ славянской этнографіи и т. д.

„Никто раньше его не поднялся до высокаго уровня общеславянскихъ научныхъ интересовъ, онъ первый началъ собирать въ свой улей соки литературныхъ, культурныхъ и бытовыхъ явленій изъ прошлой и современной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ безъ различія“, говоритъ о немъ проф. Ягичъ въ краткой оцѣнкѣ его дѣятельности [1]).

Подобно своему предшественнику и учителю, Добровскій начинаетъ свои филологическія студіи съ изученія языковъ семитскихъ и только впослѣдствіи переходитъ къ вопросамъ языкознанія славянскаго, положивъ въ основаніе ихъ изученіе старославянскаго языка, въ глубокомъ значеніи коего для славянскаго филолога онъ былъ убѣжденъ. „Ich fange, wenn ich Schüler habe, die als Philologen Sprachstudium treiben, immer mit dem altslavischen an und mit Nutzen“ писалъ онъ Копитару. И это убѣжденіе Добровскаго раздѣляли съ нимъ и его преемники, оно остается въ силѣ и въ настоящее время.

Плодомъ его изученія старославянскаго языка явились: „Institutiones linguae slavicae dialecti veteris“, 1822 г.

„Institutiones“, говоритъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ-сла-

---

[1]) Ягичъ, Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи, 7.

вяновѣдовъ, „навсегда останутся книгою важною и необходимою для всѣхъ, предающихся занятіямъ славянской филологіей: это— художественная „анатомія“ славянскаго языка, замѣчательная по отчетливой строгости изслѣдованія, по внѣшней архитектоникѣ и по многимъ частнымъ рѣшеніямъ.... Но, страннымъ образомъ, вся построенная на исторической основѣ, она совершенно чужда историческаго взгляда и направленія и разсматриваетъ языкъ, какъ нѣчто данное, остановившееся или вовсе не бывшее въ историческомъ процессѣ развитія, перемѣнъ и превращеній. Каждый изъ элементовъ, входящихъ въ эту грамматику, взятъ изъ дѣйствительной исторіи, но анахронически, въ разновременные моменты, и всѣ они искусственно отвлечены, сведены въ одну картину языка идеальнаго, лишеннаго исторической дѣятельности, никогда не существовавшаго во времени и пространствѣ“ [1].

Добровскій является создателемъ сравнительной грамматики

---

[1]) А. Котляревскій, Библіологическій опытъ о древней русской письменности. Воронежъ, 1882. На этотъ существенный недостатокъ „Institutionum“ указалъ впрочемъ значительно раньше проф. Ягичъ (Književnik, II, 1865, 363) и почти въ тѣхъ же словахъ: „.... Dobrovskova je gramatika puna elementa historičkih, puna svjedočanstva o veoma obsežnu izpitvanju književnih starinah crkv. jezika, ali žalibog prebogato nagomilano gradivo nije upotrebljeno u gradji, jer mu kao i Adelungu nestaje smisao za historički razvoj jezika“. Не желая ввести въ свою грамматику испорченный русско-славянскій языкъ церковныхъ книгъ, онъ, въ поискахъ за болѣе совершеннымъ матеріаломъ, создаетъ какой то „новый“ старославянскій языкъ, который никогда не существовалъ. „Onakove staroslovjenštine, kakovu nam on u svojoj knjizi upredočuje, nije u istinu nikada ni bilo!“ (Ibid., II, 364). Въ числѣ недостатковъ грамматики Добровскаго отмѣчается, между прочимъ, и неудовлетворительное объясненіе Добровскимъ звукового значенія юсовъ, въ то время какъ оно уже точно опредѣлено было Востоковымъ за два года до выхода „Institutionum“ (въ Трудахъ Общ. Любит. Росс. Слов., 1820, I, 42 и сл.). По виною такой кажущейся отсталости является лишь недостатокъ памятниковъ древней славянской письменности, въ той же степени затруднявшій успѣшность разработки этихъ вопросовъ Дурихомъ.

славянскихъ нарѣчій. Съ геніальной проницательностью онъ указываетъ на необходимость для славянскаго филолога изслѣдованія вопроса объ отношеніи славянскихъ языковъ къ германскимъ и литовскому [1]). Къ этимъ заключеніямъ Добровскаго приводятъ подмѣченныя имъ этимологическія совпаденія. Сравнительный методъ онъ примѣняетъ затѣмъ главнымъ образомъ въ своемъ разсужденіи: „Entwurf zu einem allgemeinen Etymologikon der slawischen Sprachen" (Prag, 1813). Если примемъ во вниманіе то обстоятельство, что трудъ Боппа: „Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache", положившій первыя основы сравнительнаго языкознанія, вышелъ только въ 1816 г., тогда геніальная проницательность Добровскаго предстанетъ намъ еще въ большемъ величіи.

Творческій геній Добровскаго съ тою же силою проявился и въ разработкѣ вопросовъ чешской литературы и чешскаго языка. Его „Geschichte der böhmischen Sprache und Litteratur" (1790, 1792 и 1818 гг.) есть первый опытъ научной разработки исторіи всей чешской письменности во всемъ ея объемѣ, опытъ, основанный на тщательномъ изученіи всего доступнаго печатнаго и рукописнаго матеріала и послужившій не только образцомъ для дальнѣйшихъ работъ въ этой области, но и неизсякаемымъ родникомъ, изъ коего до нашего времени почерпаются надежныя свѣдѣнія и указанія.

Тонкій анализирующій умъ Добровскаго требовалъ всюду самой строгой критики, и сила его критическаго чутья наглядным

[1]) Въ письмѣ къ Якову Гримму отъ 10 мая 1812 года (Archiv f. Slav. Phil., 1877, II, 181. Cf. Č. Č. M. 1900, I, 19) онъ говоритъ: „Dass sich.... die Urahnen der Lat. Griech. Deutsch. Slaw. näher waren, wird immer begreiflicher, dass die Slawen die Deutschen von jeher berührten, lässt sich aus der Vergleichung beider Spr. schliessen, wenn auch die Geschichte schwiege.... So sassen Slawen immer den Deutschen im Osten.... Hinter den Lithauern nun stecken von jeher wieder Slawen, die sich vom Einfluss des Gothischen (am schwarzen Meere) doch reiner erhielten als erstere". „Slawen sind Slawen und haben der Sprache nach die nächste Verwandschaft mit den Lithauern".... пишетъ Добровскій Копитару (№ 9) 6 марта 1810.

образомъ сказалась въ его отношеніи къ тѣмъ памятникамъ древней чешской письменности, которые въ настоящее время признаны несомнѣнно подложными, т. е. къ рукописи Зеленогорской (Любушину Суду), отрывкамъ Евангелія отъ Іоанна и глоссамъ въ „Mater Verborum." И хотя „хулы и недовѣріе" Добровскаго вызвали впослѣдствіи рядъ опроверженій, хотя Палацкій и Шафарикъ вмѣстѣ выступили (въ 1840 г.) съ защитой подлинности заподозрѣнныхъ имъ памятниковъ, а Палацкій и еще раньше (въ 1829 г.) высказался рѣшительно въ защиту отрывковъ Ев. отъ Іоанна, тѣмъ не менѣе скептицизмъ Добровскаго оказался вполнѣ основательнымъ и справедливымъ.

Добровскій кладетъ основаніе для составленія полнаго словаря чешскаго языка и свои взгляды на задачи лексикографа подробно излагаетъ въ разсужденіи „Entwurf zu einem allg. Etymologikon", 1813 г. и отчасти въ предисловіи къ словарю Томсы. Занимаясь исторіей чешскаго народа, Добровскій усердно разбираетъ древнѣйшіе историческіе памятники (хронику Козьмы Пражскаго Далимила) и непремѣннымъ условіемъ успѣшности историческихъ разысканій считаетъ предварительное строго-критическое изданіе источниковъ. „Въ самомъ дѣлѣ странно", удивляется онъ, „что наши отечественные историки не пришли къ мысли издать древніе памятники. Воздвигались зданія раньше, нежели былъ собранъ достаточный матеріалъ,—неудивительно поэтому, что эти постройки не были прочны". Вслѣдствіе такихъ соображеній онъ самъ издаетъ хронику Козьмы Пражскаго и съ увлеченіемъ занимается сю до конца своей жизни. Сколь великое значеніе придавалъ онъ непосредственному знакомству съ рукописными памятниками, явствуетъ изъ того факта, что, будучи уже семидесятилѣтнимъ старцемъ, онъ думаетъ еще о поѣздкѣ на Аѳонъ для изученія памятниковъ старославянской письменности.

Подъ вліяніемъ ученыхъ трудовъ Добровскаго совершалось все дальнѣйшее развитіе студій въ области славяновѣдѣнія вообще, а при жизни его оно преимущественно сказалось въ обиліи трудовъ по изученію языка чешскаго, основанныхъ исключительно на результатахъ его изслѣдованій. Добровскій былъ въ полномъ смыслѣ слова обще-славянскій филологъ: трудно перечислить

всѣ многочисленные и разнообразные вопросы, затронутые имъ въ его трудахъ, чтобы доказать справедливость этихъ словъ; нѣтъ возможности въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить значеніе его разысканій, въ большинствѣ самобытныхъ, новыхъ и въ результатахъ отдѣльныхъ частей не теряющихъ своей силы еще и донынѣ. „Мы во многихъ вопросахъ и черезъ сто и даже триста лѣтъ не поднимемся на ту высоту, на которой стоялъ Добровскій", говорилъ его вѣрный послѣдователь и геніальный ученикъ Шафарикъ. И если многое изъ добытаго учеными наблюденіями и изслѣдованіями Добровскаго потеряло съ теченіемъ времени, благодаря трудамъ его преемниковъ и болѣе счастливыхъ учениковъ, свое значеніе, то это нисколько не умаляетъ заслугъ патріарха славяновѣдѣнія. Уже тотъ фактъ, что въ своихъ трудахъ онъ намѣтилъ рядъ важнѣйшихъ для славянской науки вопросовъ, возбудилъ интересъ къ нимъ и этимъ вызвалъ къ разрѣшенію ихъ новыя силы, составляетъ одну изъ величайшихъ заслугъ Добровскаго. Онъ не только заложилъ красугольный камень для зданія новой науки —славянской филологіи, но онъ сумѣлъ вдохнуть въ нее „дыханіе жизни" и тѣмъ положить основаніе ея правильнаго роста и развитія, обезпечить ея непрерывное движеніе впередъ. Великъ тотъ учитель, который создаетъ столь богатую и числомъ учениковъ и силами дарованій школу, какую видѣлъ еще при жизни Добровскій, и которая съ честью сохранила его завѣты и продолжила его дѣло!

Однимъ изъ ближайшихъ по времени учениковъ Добровскаго является Вячеславъ Ганка, имя коего въ исторіи чешскаго возрожденія неразрывно связано съ вопросомъ о знаменитыхъ Краледворской и Зеленогорской рукописяхъ и нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ. Взглядъ на этого несомнѣнно безкорыстнаго, одушевленнаго искреннею любовью къ славянству, неутомимаго и заслуженнаго работника въ общемъ сонмѣ дѣятелей чешскаго возрожденія и въ настоящее время, когда для характеристики личности Ганки накопилось достаточно новаго матеріала, нельзя назвать благопріятнымъ. Мы не будемъ здѣсь входить въ полный разборъ его ученой, преимущественно издательской дѣятельности, скажемъ только, что какъ бы ни были разнообразны

и противорѣчивы отзывы о ней, о заслугахъ Ганки вообще, нельзя пройти мимо этого во всякомъ случаѣ замѣчательнаго человѣка. „Значеніе Ганки въ исторіи чешскаго возрожденія еще невполнѣ выяснено", говоритъ строгій и безпристрастный судья его дѣятельности акад. Ягичъ [1]).

Скромный „пастушокъ", начавшій, подобно нашему Ломоносову, учиться довольно поздно, сдѣлалъ въ наукѣ быстрые успѣхи и скоро пріобрѣлъ своими трудами почетную извѣстность. Кто хоть сколько-нибудь внимательно и безпристрастно займется разсмотрѣніемъ всей его дѣятельности, тотъ несомнѣнно признаетъ за нимъ огромныя заслуги. Несмотря на всѣ обвиненія, издѣвательства и вышучиванія, Ганка не опускалъ рукъ и бодро, съ несокрушимой энергіей шелъ по разъ избранному пути, не уклоняясь отъ него, съ твердымъ убѣжденіемъ въ пользѣ совершаемаго имъ дѣла.

Онъ самъ смотрѣлъ на свой скромный трудъ несравненно правильнѣе, чѣмъ его не въ мѣру строгіе критики и хулители, когда писалъ Бодянскому: „Вы знаете, милѣйшій Осипъ Максимовичъ, что я болѣе всего забочусь о практической пользѣ, такъ напримѣръ, что касается взаимности".... И на эту практическую сторону славянской взаимности онъ обращаетъ самое серьезное вниманіе, о ней больше всего заботится во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ ученымъ міромъ славянскимъ вообще и русскимъ въ частности.

„Summi Dobrovii dignissimus discipulus et aemulus", какъ назвала его наша Академія, посвящаетъ свои скромныя силы поэтическому творчеству оригинальному и переводному; „счастливый въ поискахъ родной старины", онъ издаетъ открытые имъ памятники якобы древней чешской письменности; изучаетъ и издаетъ памятники историческіе и юридическіе; даетъ рядъ изслѣдованій по чешской нумизматикѣ, являясь однимъ изъ первыхъ піонеровъ въ этой области; знакомитъ чешское общество съ выдающимися славянскими литературными явленіями, для чего поддерживаетъ самыя живыя связи съ учеными и писателями всѣхъ концовъ сла-

---

[1]) Письма Копитара и Добровскаго, введеніе, стр. LXXI.

вянскаго міра, особенно русскими и польскими: издаетъ грамматики: русскую, церковнославянскую и польскую; читаетъ русскій и церковнославянскій языки въ пражскомъ университетѣ и въ дѣлѣ распространенія русскаго языка среди чеховъ имѣетъ огромныя заслуги; самъ онъ изучаетъ русскій и польскій языки настолько основательно, что пишетъ на нихъ письма и ученыя записки, хотя и довольно оригинальнымъ стилемъ.

Для первыхъ русскихъ ученыхъ посѣтителей Праги и Чешскаго Музея Ганка былъ полезнѣйшимъ руководителемъ: всѣмъ имъ приходилось пользоваться его услугами и указаніями, и почти всѣ высоко цѣнили его безкорыстную помощь. Такъ П. И. Кеппенъ въ одномъ изъ писемъ къ Востокову прямо признается: „О Ганкѣ я не имѣлъ того понятія, которое теперь только получилъ въ Прагѣ: онъ мастеръ своего дѣла". Такъ же отзывались о немъ и другіе рускіе ученые, которые имѣли случай притти съ нимъ въ ближайшее соприкосновеніе.

Если Ганка не былъ учителемъ, который могъ бы направить занятія первыхъ русскихъ славяновѣдовъ по строгому научному методу, если его собственныя познанія, вслѣдствіе отсутствія у него чувства критики, не отличались особенной глубиной, то тѣмъ не менѣе наши первые слависты и первые славяновѣды польскіе ему многимъ обязаны. Бодянскій, Срезневскій, Прейсъ, Григоровичъ и цѣлая плеяда русскихъ ученыхъ и писателей, въ томъ числѣ Шишковъ, Балугьянскій, Сперанскій, Норовъ, изъ поляковъ: Кухарскій, Мацѣевскій, Линде, Бандтке, Раковецкій, Цыбульскій и мн. др.,—всѣ пользовались въ большей или меньшей степени его услугами въ области научной дѣятельности или въ дѣлѣ простого ознакомленія съ чешской современностью. „Ганка уже по своему мѣсту назначенъ быть звеномъ сообщенія съ европейскими учеными и покровителями славянскаго направленія", совершенно правильно замѣтилъ одинъ изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ (М. Касторскій, въ 1838 г.). „Милая внимательность" Ганки ко всѣмъ присным и ближнимъ, „извѣстное и испытанное добродушіе и расположенность ко всѣмъ вообще славянамъ и особенно къ сѣвернымъ", „безупречность въ дѣлахъ и мысляхъ, словахъ и желаніяхъ" влекли къ нему каждаго, кто только имѣлъ разъ удо-

вольствіе познакомиться съ нимъ. Это былъ общій голосъ всѣхъ славянскихъ почитателей Ганки, а въ этомъ согласномъ хорѣ громче и чище всего звучалъ голосъ лучшаго изъ его русскихъ друзей Изм. Ив. Срезневскаго, до конца дней Ганки поддерживавшаго съ нимъ оживленную переписку.

Ученыя заслуги Ганки скромны и незначительны, его „грамматическія игрушки" не имѣютъ значенія, изданія его не стоятъ на высотѣ научныхъ требованій, но осуществленіе одного изъ идеаловъ пророка славянской взаимности Коллара составляетъ одну изъ величайшихъ заслугъ его.

Одушевленный романтикъ, Ганка является прямымъ контрастомъ Добровскому. „У Ганки любовь ко вновь проснувшейся чешской народности не знала предѣловъ, ей приносилось въ жертву все, не исключая и научныхъ стремленій или убѣжденій, если они препятствовали патріотическимъ мечтаніямъ", говоритъ проф. Ягичъ. Въ этомъ отношеніи и нынѣ осуждаемыя „открытія", сдѣланныя имъ въ области древней чешской письменности, принесли свои плоды. Какъ бы ни смотрѣли на эти произведенія, едва ли можно отвергнуть тотъ фактъ, что въ тяжелой борьбѣ за права чешской народности и языка эти поэтическія пѣсни способны были поддерживать и возбуждать патріотическое воодушевленіе. Вліяніе ихъ на развитіе славянскаго чувства въ Россіи такъ же несомнѣнно. Начиная съ перевода Шишкова, который познакомившись съ изданіемъ Краледворской рукописи Ганки, назвалъ его „предрагоцѣннымъ подаркомъ для всѣхъ вообще славенскихъ нарѣчій", Краледворская рукопись переводилась у насъ и впослѣдствіи неоднократно; ее изучаютъ и лингвисты, и историки быта славянскаго, на ней и на Любушиномъ Судѣ утверждаютъ свои выводы изслѣдователи славянскаго права; Ивапишевъ, Срезневскій, А. Поповъ, Шпилевскій и др. знаютъ этотъ, нынѣ отвергаемый, памятникъ не только со стороны его поэтическихъ красотъ, но и какъ важный документъ быта отдаленной славянской старины.

Прямой ученикъ Добровскаго, Ганка не обладалъ достаточными силами для того, чтобы продолжать дѣло, начатое великимъ учителемъ; быть можетъ, тому отчасти было причиной и недолговременное пребываніе Ганки въ школѣ патріарха славистики,

ибо онъ былъ, по признанію Добровскаго, лишь его ,,discipulus aliquot horarum"....

Безконечно выше оказался въ этомъ отношеніи Шафарикъ, хотя и не бывшій непосредственнымъ ученикомъ Добровскаго, но выступившій на ученое поприще подъ вліяніемъ изученія его трудовъ. Словакъ по рожденію, изучившій въ школѣ литературный языкъ чешскій, языки нѣмецкій и мадьярскій, онъ начинаетъ свою дѣятельность среди сербовъ въ Новомъ Садѣ, гдѣ изучаетъ основательно еще и языкъ сербскій. Для будущихъ занятій славянской филологіей сразу было заложено хорошее основаніе.

Труды Шафарика были столь же разнообразны, какъ и труды Добровскаго, но не всѣ они въ одинаковой степени проникнуты тѣмъ строгимъ критическимъ духомъ, какимъ отличаются работы Добровскаго. И славянскіе языки съ старославянскимъ во главѣ, и древняя исторія славянства, и современное его состояніе, и древняя славянская письменность — все было предметомъ его научныхъ разысканій и изученій.

Языкознаніе же въ своемъ высокомъ значеніи было областью, къ которой Шафарикъ главнымъ образомъ чувствовалъ призваніе, такъ какъ его философскій умъ преимущественно въ немъ находилъ для себя удовлетвореніе. Филологическое направленіе студій Шафарика опредѣлилось уже въ Новомъ Садѣ. Увлекшись изученіемъ памятниковъ югославянской древней письменности, онъ приходитъ естественно къ необходимости основательно изучить языкъ старославянскій и, подобно Добровскому, кладетъ въ основаніе славянскихъ изученій предварительное знакомство съ этимъ языкомъ. ,,Изученіе его есть основа научнаго языкознанія славянскаго вообще" говоритъ Шафарикъ. ,,Подобно тому какъ нельзя быть настоящимъ нѣмецкимъ грамматикомъ или филологомъ безъ знанія языка готскаго, такъ точно въ области славянскаго языковѣдѣнія немыслимо совершенное изслѣдованіе какого-либо изъ живыхъ нарѣчій безъ помощи языка старославянскаго, какъ регулятива" [1]).

[1]) „Славянскій, литовскій и нѣмецкій языки по своимъ родственнымъ отношеніямъ ближе другъ къ другу, чѣмъ къ прочимъ

„Уже тридцать и болѣе лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я впервые, ознакомившись съ сочиненіями незабвеннаго учителя нашего Добровскаго, пришелъ къ убѣжденію, что, какъ готскій языкъ въ нѣмецкомъ языкознаніи, санскритъ въ индоевропейскомъ, такъ старославянскій въ языкознаніи славянскомъ является началомъ, серединой и концомъ всякаго научнаго изученія языка", заявлялъ Шафарикъ [1]).

Но старославянскій языкъ необходимо изучать еще и потому, что на немъ существуетъ богатая литература. Шафарикъ высоко ставитъ вообще всю старославянскую письменность по ея значенію: „Если на старославянскомъ языкѣ мы и не имѣемъ Гомеровъ, Платоновъ, Горацієвъ и Цицероновъ, то мы имѣемъ все-таки на немъ произведенія, которыя могутъ просвѣщать умъ и возвышать сердце, которыя для насъ, какъ для славянъ, должны бы быть столь же дороги и цѣнны, насколько дороги для насъ Гомеръ, Платонъ, Горацій и Цицеронъ, какъ для людей просвѣщенныхъ" [2]).

языкамъ индогерманскаго племени", говоритъ А. Шлейхеръ (Краткій очеркъ доистор. жизни сѣв.-вост. отдѣла индо-германскихъ языковъ, Прил. къ VIII т. Зап. И. А. Н., № 2, 1865). По его словамъ, первый понялъ это и высказалъ извѣстный основатель истинно-научнаго изслѣдованія кельтическихъ языковъ Цейсъ въ своемъ сочиненіи: Die Deutschen und die Nachbarstämme, München, 1837, стр. 18 и слѣд. Дальнѣйшее развитіе этому взгляду дали Я. Гриммъ, въ своей Geschichte der Deutschen Sprache, 1848, 2 части (cf., напр., стр. 1030 и сл.), и самъ Шлейхеръ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ. „Я. Гриммъ принималъ въ разсужденіе преимущественно запасъ словъ въ языкахъ, а я грамматическое ихъ строеніе". Но много раньше, Цейса заявилъ объ этомъ Добровскій въ обозрѣніи славянскаго племени (Slawischer Sprach-und Völkerstamm) въ Аделунговомъ Mithridates (II, Berlin, 1809), въ Общемъ славянскомъ корнесловѣ (Entwurf zu einem allg. Etymologikon der Slaw. Sprache, Prag, 1813), въ Очеркѣ славянскаго языка (Kurzer abriss der Slaw. Sprache въ Gesch. d. böhm. Sprache, 1818), въ „Institutiones".... 1822 г. и въ другихъ трудахъ, а за нимъ повторилъ то же самое Шафарикъ.

[1]) Предисловіе къ Památkam dřevniho pisemnictvi jihoslovanuv Dil předchozi. V Praze, 1851.

[2]) Památky dřevniho pisemnictví jihoslovanuv, предисл., IV.

Но Шафарикъ идетъ еще далѣе въ своихъ требованіяхъ отъ славянскаго языковѣда: онъ указываетъ на необходимость для него знакомства съ языками готскимъ, литовскимъ и даже мадьярскимъ. Если Добровскій въ своихъ трудахъ возвысился до мысли о грамматическомъ сравненіи славянскихъ нарѣчій съ языкомъ нѣмецкимъ и литовскимъ и высказалъ свои взгляды на задачи и пріемы грамматическаго сравненія славянскихъ нарѣчій, то Шафарику принадлежитъ неоспоримая заслуга осуществленія этихъ задачъ и доказательства въ своихъ трудахъ непреложности этой истины [1]).

Первымъ выдающимся трудомъ Шафарика въ области изученія славянскихъ нарѣчій была небольшая, въ высокой степени оригинальная работа ,,Serbische Lesekörner (1833 г., Srbské paběrky, какъ называетъ онъ ее по-чешски). Самъ Шафарикъ въ одномъ изъ писемъ Палацкому (отъ 22 окт. 1832 года) скромно замѣтилъ о своемъ трудѣ, что хотя онъ и трактуетъ о предметѣ сухомъ, тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя *новыя мысли и открытія*. Дѣйствительно, это было первое историческое обозрѣніе судебъ сербскаго языка, въ коемъ Шафарикомъ были собраны хотя и незначительные, но совершенно новые матеріалы. Шафарикъ блестящимъ образомъ опровергъ державшееся до его времени заблужденіе, что старославянскій языкъ былъ отцомъ всѣхъ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій, и доказалъ что сербскій языкъ гораздо древнѣе, чѣмъ думалъ, напримѣръ, Добровскій, что уже въ древнѣйшихъ памятникахъ сербской письменности находятся почти всѣ тѣ отличительныя черты, коими характеризуется этотъ языкъ въ настоящее время [2]).

[1]) „Нельзя не пожалѣть, говоритъ Шафарикъ, что древности (Срезневскій прибавляетъ: „и особенно языкъ") народовъ литовскихъ до сихъ поръ только изрѣдка, или безъ большого успѣха, были предметомъ изслѣдованія ученыхъ славянскихъ, которые бы должны быть—особенно русскіе и поляки—и наклоннѣе и способнѣе всѣхъ другихъ къ этому дѣлу ихъ отечественной науки". Изв. II отд. И. А. Н., 1852, I, 105.

[2]) Недостатки этого изслѣдованія Шафарикъ ясно сознавалъ, когда писалъ Палацкому 7 марта 1833 года изъ Новаго Сада: „Не

Изученіе памятниковъ древней чешской письменности дало Шафарику обильный матеріалъ для исторіи стараго чешскаго языка. По авторитетному заявленію Шлейхера, въ скромно озаглавленномъ трудѣ Шафарика: „Počátky staročeské mluvnice", предпосланномъ исторической хрестоматіи памятниковъ древней чешской литературы (Wýbor z literatury české), впервые древній чешскій языкъ получилъ научную обработку: здѣсь впервые представлено было вполнѣ ученіе о звукахъ и формахъ чешскаго языка, изложенъ былъ синтаксисъ, при чемъ разборъ собраннаго матеріала совершенъ былъ по строгому научному методу, остающемуся и донынѣ образцомъ для научнаго изслѣдователя языка древнихъ памятниковъ [2]).

Существенный недостатокъ этого труда состоитъ въ томъ, что предметомъ научнаго изслѣдованія явились и отвергнутые или спорные еще памятники чешскаго языка (Любушинъ Судъ, отрывокъ Евангелія отъ Іоанна, Краледворская рукопись и глоссы въ Mater Verborum). Но эти недостатки не умаляютъ въ общемъ высокихъ научныхъ достоинствъ изслѣдованій Шафарика по языку. А. Поттъ неоднократно совѣтовалъ Шафарику издать собраніе

судите этотъ трудъ строго,—это незрѣлый плодъ, что касается системы и стиля, но все-таки лучше, чѣмъ ничего".

[1]) Шлейхеръ въ своемъ обозрѣніи чешскихъ грамматическихъ трудовъ, въ Zeitschrift f. die oesterr. Gymnasien, Wien, 1850, 725—756, 1851, 269—310, въ слѣдующихъ выраженіяхъ опредѣляетъ значеніе труда Шафарика: „Wenn auch seit Dobrowsky im einzelnen Verbesserungen und Fortschritte sich zeigen, so ist doch sein Standpunct in der grammatischen Bearbeitung des Böhmischen erst aufgegeben und überschritten worden in der kurzen altböhmischen Grammatik von Šafařík.... Hier ist zuerst der Lautlehre ihr Recht widerfahren und überhaupt einen neuböhmischen Grammatiker Methode und Material in einem so reichen Masse zugeführt worden, dass wir seit dem Erscheinen dieses Meisterwerkes ganz andere Forderungen an einer Bearbeiter der böhmischen Grammatik zu stellen berechtigt sind, als an alle früheren. So kurz auch das erwähnte Werk ist, so enthält es doch Laut und Formenlehre vollständig und gibt durch die Art der Behandlung, namentlich durch die Benutzung der Quellen, ein Beispiel, dem nachzufolgen freilich nur Sache eines nicht nur begabten, sondern auch sehr fleissigen Grammatikers ist"

этихъ изслѣдованій на нѣмецкомъ языкѣ, а Августъ Шлейхеръ писалъ сыну Шафарика еще въ 1869 году: „Вы знаете, какъ высоко я цѣню вашего незабвеннаго отца. Взявъ въ руки его работу, я ощущаю всякій разъ истинное почтеніе и удивленіе относительно человѣка, который дѣйствительно совершилъ великое и незабвенное дѣло".

Не перечисляя здѣсь длиннаго ряда статей Шафарика, посвященныхъ изученію языка [1]), мы отмѣтимъ выдающіяся заслуги его въ области изслѣдованія вопроса о происхожденіи славянскихъ азбукъ и о родинѣ старославянскаго языка. Новыя откры-

---

[1]) Въ 1846—1848 гг. Шафарикомъ помѣщенъ былъ рядъ статей въ Časop. Česk. Mus. Въ 1846 г. здѣсь напечатаны были изслѣдованія: 1) Объ образованіи словъ посредствомъ удвоенія корня (O tvoření slov zdvojováním kořene) и 2) О распространеніи глагольныхъ корней и основъ вставкою и прибавленіемъ согласныхъ (O šíření časoslovných kořenův a kmenův vsouváním a přirážením souhlásek). Въ 1847 г.: 1) Объ измѣненіи гортанныхъ согласныхъ (O přetvořování hrdelních souhlásek), 2) Объясненіе нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ въ языкѣ славянскомъ (Výklad některých grammatických forem v jazyku Slovanském). Въ 1848 г.: Филологическій разборъ числительныхъ именъ (Mluvozpytný rozbor číslóslova); эта статья переведена на русскій языкъ В. Макушевымъ въ „Сборн., издав. студентами СПБ. Унив." Вып. II-й. СПБ. 1860. Всѣ перечисленныя статьи вошли въ Sebrané spisy P. I. Šafařika, Díl III. Изъ нашихъ ученыхъ первый оцѣнилъ высокое значеніе лингвистическихъ трудовъ Шафарика Григоровичъ, который въ своемъ „Донесеніи" Мин. Н. Пр. гр. С. С. Уварову (9 мая 1847 г. въ С.-Петербургѣ) говорилъ: „Цѣлый рядъ разсужденій сего первостепеннаго ученаго посвященъ теперь общей Славянской Грамматикѣ. Съ особенною точностію Г. Шафарикъ примѣняетъ общіе законы, найденные учеными въ высшемъ сравнительномъ языкознаніи, къ составу Славянскихъ языковъ и историческимъ изученіемъ послѣднихъ возводитъ къ общему началу указанныя прежде ихъ особенности. Согласно съ общимъ направленіемъ Германскихъ языкоиспытателей сей ученый пояснилъ уже различныя видоизмѣненія въ корняхъ, переходъ твердыхъ звуковъ, древнѣйшія формы словоизмѣненія и, наконецъ, въ исторической теоріи Чешскаго языка поставилъ намъ образецъ послѣдовательнаго ученія о другихъ нарѣчіяхъ".

тія, новые матеріалы заставили Шафарика отказаться отъ первоначальнаго мнѣнія о старшинствѣ кириллицы предъ глаголицей; мнѣніе его не восторжествовало еще окончательно въ настоящее время, но собранныя имъ доказательства, глубокомысленныя соображенія и строгій научный мѣтодъ въ достиженіи извѣстныхъ положеній и нынѣ сохраняютъ значеніе за его трудами.

Такъ же велики заслуги Шафарика по изслѣдованію древнѣйшей исторіи славянства. Кульминаціоннымъ пунктомъ его историческихъ студій являются „Славянскія Древности". Этотъ трудъ, говоритъ Палацкій, положилъ конецъ всѣмъ голословнымъ догадкамъ и всякимъ спорамъ въ области славянской старины. „Подъ пепломъ древности Шафарику удалось найти столько свѣта, что не только исторія славянъ, но и ихъ старыхъ сосѣдей: скиѳовъ, кельтовъ, германцевъ, сарматовъ, финновъ и др., получаетъ неожиданную ясность и достовѣрность, —можно сказать болѣе: вся древняя исторія Европы предстаетъ въ новомъ видѣ". Проникнутый горячею любовью къ изучаемому имъ міру, онъ однако не забываетъ въ своемъ одушевленіи о безпристрастной истинѣ; въ благородномъ стремленіи къ ней онъ не выставляетъ впередъ лишь однѣ привлекательныя черты древняго славянства, не слѣдуетъ большинству нѣмецкихъ писателей въ томъ, чтобы изъ исторіи первыхъ вѣковъ своего народа выбирать одну только похвалу ему; мало того, онъ не колебался отвергнуть и исправить высказанное ранѣе ученіе, убѣдившись, вслѣдствіе дальнѣйшихъ занятій предметомъ, въ неосновательности этого ученія. Это одушевленіе, вложенное Шафарикомъ въ его трудъ, невольно вырывается всюду наружу, какъ элегическій вздохъ надъ прошедшимъ. Но глубокое критическое чутье не позволяетъ автору дойти до преувеличеній.

Въ то же самое время здѣсь нѣтъ той бездушной эрудиціи, замѣтилъ нѣмецкій ученый К. Нейманъ (въ 1867 г.), которая, нагромождая матеріалъ безъ конца, въ заключеніе бросаетъ всю нагроможденную смѣсь подъ ноги читателя, предоставляя ему самому выбраться изъ нея и сдѣлать выводы.

Если въ частностяхъ трудъ Шафарика въ настоящее время

требуетъ измѣненій, то въ цѣломъ „Славянскія Древности“ имѣютъ и всегда будутъ имѣть высокое научное значеніе.

Съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ собранный матеріалъ, положенный въ основаніе этого труда, свидѣтельствующій о громадной начитанности Шафарика, чрезвычайно обдуманно, въ строгой системѣ распредѣленный и обработанный, блестящая „желѣзная“ аргументація, постоянное умѣніе отличать главное отъ второстепеннаго и въ то же время пластичность и, наконецъ, ясность стиля,—все это и въ настоящее время является предметомъ удивленія. „Великолѣпное зданіе Славянскихъ Древностей, какъ воздвигъ его Шафарикъ, стоитъ донынѣ прочно, хотя отдѣльные вывѣтрившіеся камни и оказалось нужнымъ замѣнить другими, а кое-гдѣ перемѣнить и цѣлые своды; Шафарикъ въ исторіи изученія первобытнаго славянства стоитъ предъ старшими и современными изслѣдователями, какъ цѣль далеко выдвинувшаяся впередъ. Если наука нынѣ и ушла впередъ, то она совершила это движеніе только въ отдѣльныхъ мѣстахъ и детальной разработкой, поправками въ его грандіозномъ зданіи. Новый Шафарикъ однако до сего времени не явился; въ сравненіи съ иными изслѣдователями онъ остается и нынѣ величайшимъ“. (L. Niederle, въ Č. Č. H., 1895, 160).

Шафарикомъ положенъ и краеугольный камень славянской этнографіи. Въ маленькихъ очеркахъ и замѣткахъ знакомилъ общество съ славянскимъ міромъ уже Добровскій въ своихъ „Славинѣ“ и „Слованкѣ“, но первый цѣльный опытъ славянскаго народоописанія сдѣланъ былъ Шафарикомъ. Насколько обширныя „Славянскія Древности“ знакомили ученый міръ съ славянской стариной, настолько маленькая книжка „Slowanský Národopis“, вышедшая въ Прагѣ въ 1842 г., явилась необходимымъ дополненіемъ къ „Древностямъ“, открывая самому широкому кругу читателей пути ознакомленія съ живымъ славянскимъ міромъ. Особенно поучительной являлась приложенная къ „Народописанію“ карта славянскаго міра, Slowanský Zeměvid, впервые наглядно изобразившая величіе славянскаго міра. Изданіе Шафарика имѣло громадный успѣхъ у себя на родинѣ, не менѣе восторженно было привѣтствовано и у насъ, гдѣ одновременно прот. Меглицкій (въ Вѣнѣ) и Бодян-

скій (въ Москвѣ) принялись за переводъ „Народоописанія“, а Срезневскій представилъ лучшую оцѣнку этого труда Шафарика, высказалъ свои замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ недосмотровъ и сдѣлалъ рядъ поправокъ къ нему. До настоящаго времени славянская наука, несмотря на громадное количество матеріала, накопившагося за шестьдесятъ почти лѣтъ, истекшихъ со времени выхода въ свѣтъ „Народоописанія“, не имѣетъ по замыслу ничего подобнаго труду Шафарика даже въ области частныхъ описаній отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, и кто знаетъ, скоро ли мы дождемся второго Славянскаго Народоописанія, въ коемъ было бы представлено современное состояніе славянства съ тою полнотою, съ какою сдѣлалъ это Шафарикъ въ 1842 г.

Шафарику не привелось быть учителемъ на университетской каѳедрѣ, но вліяніе его ученой дѣятельности отъ этого нисколько не стало меньше; кругъ его учениковъ былъ и безъ того обширенъ. Такъ же великъ былъ и авторитетъ его въ вопросахъ организаціи преподаванія предметовъ славянской филологіи. Сороковые годы принесли учрежденіе славянскихъ каѳедръ въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Парижѣ и у насъ въ Россіи. Шафарикъ живо интересовался этимъ началомъ славянскихъ студій въ высшей школѣ и принималъ дѣятельное участіе въ созданіи славянскихъ каѳедръ въ Пруссіи, но самъ отказался занять предложенную ему каѳедру въ Берлинѣ [1]). Участіе его въ созданіи славянской каѳедры въ

---

[1]) Далекій отъ какого бы то ни было смѣшенія политики съ научною дѣятельностью, онъ ожидалъ, напр., немногаго для науки отъ профессорской дѣятельности Мицкевича. Въ письмѣ къ Погодину отъ 31 окт. 1840 г. онъ говоритъ: „Sie wissen schon, dass die Slawische Katheder in Paris dem Dichter Mickiewicz zugefallen ist. Möchte hiebei nur das politische nicht störend auf das rein Litterarische und Wissenschaftliche einwirken! Aufrichtig gesprochen: ich erwarte von da für die Wissenschaft nicht viel“. Какія цѣли имѣло въ виду прусское правительство, учреждая славянскія каѳедры въ своихъ университетахъ? Бодянскій въ письмѣ къ Погодину, отъ 7—19 мая 1840 г., какъ будто подозрѣваетъ въ этомъ какіе-то „виды“ у нѣмцевъ. Погодинъ рѣшительно заявлялъ, что тутъ руководили прусскимъ правительствомъ политическіе расчеты (Ср. Русск. Бес., 1859,

Берлинѣ выразилось и въ его докладной запискѣ министру Эйхгорну (1841 г.) [1].

Считая учрежденіе каѳедры славянской филологіи почетной обязанностью Австріи, ибо въ ней обитаютъ представители всѣхъ главнѣйшихъ вѣтвей славянства, въ ней какъ бы сама собой зародилась наука славянской филологіи, онъ подаетъ впослѣдствіи подобную записку и правительству австрійскому, гдѣ говоритъ о необходимости учрежденія каѳедры славянской филологіи въ университетахъ Австріи и прежде всего—въ Прагѣ [2]).

Разработкой вопросовъ славянской филологіи занимался и Ф. Л. Челяковскій, вдохновенный пѣвецъ „Столистой розы", создатель „Отголосковъ русскихъ пѣсенъ" и „Отголосковъ чешскихъ пѣсенъ". И онъ, подобно своимъ предшественникамъ, начинаетъ филологическую дѣятельность подъ живительнымъ вліяніемъ Добровскаго. И онъ приноситъ дань общему увлеченію. Но филологія не была истиннымъ его призваніемъ. „Природа создала его поэтомъ, судьба сдѣлала филологомъ", вѣрно замѣтилъ о немъ въ 1838 году одинъ изъ русскихъ молодыхъ ученыхъ, „случайный славистъ" М. И. Касторскій.

Поэтъ, увлекавшійся въ годы школьной жизни чисто практическимъ изученіемъ живыхъ славянскихъ,—особенно русскаго, и неславянскихъ языковъ, переходитъ впослѣдствіи къ вопросамъ языкознанія теоретическаго: изучаетъ петербургскій „Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій" (изданный въ СПБ.

I, смѣсь, стр. 81). П. Лавровскій въ своей вступительной лекціи (18 янв. 1861 г.) высказываетъ то же мнѣніе, говоря, что Германія „задумалась не на шутку" надъ результатами научныхъ изслѣдованій ученыхъ западнославянскихъ и ихъ русскихъ учениковъ. Быть можетъ, Шафарику не хотѣлось служить цѣлямъ прусскаго короля?

[1]) Напечатана по-нѣмецки въ „Письмахъ къ М. П. Погодину", стр. 434—442; по-русски издана проф. П. А. Лавровымъ въ жизнеописаніи Шафарика, въ „Древностяхъ", Трудахъ слав. комиссіи при И. Моск. Арх. Общ., т. I.

[2]) См. отдѣльное приложеніе.

по порученію Екатерины II, 1787—1789), интересуясь въ духѣ времени прежде всего „этимологіями", рискованно-смѣлыми сближеніями, хотя сознаетъ самъ, что увлеченія этими грамматическими и языковѣдными пустяками (по его собственному выраженію—„caparty") вредно отзывается на его поэтическомъ творчествѣ.

Рано въ немъ сказалось истинное пониманіе задачъ славянскаго филолога. „Въ настоящее время, пишетъ онъ въ февр. 1824 года Камариту, я изучаю славянскую грамматику dialecti veteris Добровскаго и немало удивляюсь глубокимъ познаніямъ этого мужа въ славянщинѣ вообще. О, если бы мнѣ суждено было достигнуть этой высоты!" И далѣе, подобно своему учителю, заявляетъ: „Языкъ старославянскій или церковный и его хорошее знаніе столько же необходимы для славянскаго этимолога, сколько знаніе генералъ-баса для хорошаго музыканта" [1]).

Кромѣ языка старославянскаго, Челяковскій усердно изучаетъ и готскій языкъ для выясненія вопроса о взаимномъ отношеніи переводовъ Библіи старославянскаго и готскаго; онъ тщательно выписываетъ корни готскихъ словъ и слѣдитъ родство ихъ съ корнями славянскими. Изъ другихъ мертвыхъ языковъ онъ занимается языкомъ полабскихъ славянъ.

Полабскій корневой словарь Челяковскаго, въ основу котораго положенъ былъ обильный матеріалъ, тщательно выбранный имъ изъ словарей Геннинга, графа Ив. Потоцкаго, Митгофа, Домайера и Пфеффингера и систематически разработанный, не узрѣлъ, правда, свѣта, но сохранившіеся въ бумагахъ Челяковскаго подготовительные труды свидѣтельствуютъ о добросовѣстномъ выполненіи Челяковскимъ взятой на себя задачи [2]).

[1]) Sebr. listy, 145.

[2]) Во время занятій нашихъ въ архивѣ бывшей Россійской Академіи намъ посчастливилось найти двѣ, собственноручно Челяковскимъ писанныя, тетради этого словаря, считавшагося до сихъ поръ затеряннымъ. И это немногое, уцѣлѣвшее для насъ, даетъ достаточно матеріала для сужденія о цѣломъ трудѣ Челяковскаго. Мы надѣемся вскорѣ сообщить эту часть полабскаго словаря.

Въ области этимологіи славянской выводы и смѣлыя заключенія Челяковскаго были иногда весьма неудачны. Особенно фантастичною является его лекція: „Откуда берутъ начало славянскія числительныя". прочитанная имъ 3 янв. 1850 г. въ Чешскомъ ученомъ обществѣ. Вопросомъ этимъ занимался уже Шафарикъ. Челяковскій рѣшительно возсталъ противъ мнѣнія Шафарика и другихъ своихъ предшественниковъ. Онъ видѣлъ въ славянскихъ именахъ числительныхъ древнѣйшую „грамоту (listinu) славянства" и даже значительной части человѣческаго поколѣнія, въ коей увѣковѣчена первобытная религія нашихъ праотцевъ. Въ корняхъ числительныхъ онъ вйдѣлъ „четыре стихійныхъ божества". Такимъ же фантастическимъ характеромъ отличается и его разсужденіе о происхожденіи имени „славянинъ" („Jazykozpytné rozmlouvání o jménu slovan", Č. Č. M. 1837).

Большой трудъ Челяковскаго: „Čtení o srovnavací mluvnici Slovanské" (1853), оставшійся послѣ смерти Челяковскаго неотдѣланнымъ, въ видѣ краткихъ записокъ, служившихъ ему руководствомъ при чтеніи лекцій въ Бреславлѣ и Прагѣ, изданъ былъ Шафарикомъ, сумѣвшимъ, очевидно, при всѣхъ недостаткахъ этого неоконченнаго труда, найти въ немъ и оправдывающія изданіе достоинства. „Основная мысль и цѣль чтеній—объясненіе главныхъ нарѣчій славянскихъ, какъ частей одной единицы, въ ихъ строѣ, помощію взаимнаго ихъ сравненія. Въ сравненія съ другими языками Челяковскій почти совсѣмъ не вдавался, не потому, что отвергалъ ихъ важность, но потому, что считалъ ихъ менѣе полезными, а вѣроятно и несвоевременными до тѣхъ поръ, пока не будутъ раскрыты славянскія нарѣчія сами по себѣ" [1]).

---

[1]) Слабую сторону „Чтеній" Челяковскаго составляетъ фонетика, въ коей обнаруживается незнакомство Челяковскаго съ переглисовкой корней, подъемами и усиленіями гласныхъ (Срезневскій, Изв. II отд. И. А. Н., т. III, 106). „Dílo i potřeby veliké i obsahu důležitého", говоритъ о „Чтеніяхъ" Шафарикъ. Но, какъ справедливо замѣтилъ А. А. Кочубинскій (Итоги славянской и русской филологіи, Зап. Новор. Унив., т. XXXIII, 1882, 290), въ піэтетѣ къ своему умершему другу Шафарикъ преувеличивалъ значеніе лекцій: онѣ болѣе

Соглашаясь вполнѣ съ этимъ направленіемъ, Шафарикъ находитъ, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ нуждамъ времени, когда и для большей части современныхъ ученыхъ строй ихъ родного языка остается еще въ туманѣ, если не въ полной тьмѣ. Вглядываясь въ чтенія Челяковскаго, Шафарикъ видитъ, что „въ нихъ на каждой страницѣ отпечатлѣно глубокое и обширное, самобытное знаніе нарѣчій славянскихъ, а на нѣкоторыхъ статьяхъ, полнѣе обработанныхъ, какъ, напр., на статьѣ о глаголѣ, лежитъ печать творящаго генія".

Наибольшую заслугу имѣетъ Челяковскій, какъ создатель изящнаго чешскаго литературнаго языка. Труды его въ этомъ направленіи достаточно еще не оцѣнены. Понимая великое значеніе живой народной рѣчи, какъ источника, изъ коего должно почерпать свѣжія струи для внесенія ихъ въ литературный языкъ, онъ самъ собиралъ „на широкихъ поляхъ Славіи" „золотые колосья" и призывалъ и другихъ къ этой дѣятельности—собирать и складывать ихъ въ житницы и готовится къ новому урожаю. „Будемъ-те оберегать божественный языкъ нашихъ предковъ, какъ въ стихахъ, такъ и въ облагороженной прозѣ", говорилъ поэтъ, и самъ, какъ тонкій стилистъ, изящный вкусъ котораго высоко цѣнилъ Палацкій, предлагавшій ему исправлять стиль своей „Исторіи чешскаго народа", онъ далъ въ своихъ произведеніяхъ, оригинальныхъ и переводныхъ, лучшіе образцы художественнаго „законо-

---

практическаго характера, безъ строгой научной системы (напр., случайное дѣленіе склоненій), съ ненадлежаще полнымъ вездѣ знаніемъ старославянскаго языка. Такъ же преувеличивалъ значеніе филологическихъ трудовъ Челяковскаго и Срезневскій (Изв. II Отд. И. А. Н., II, 1853, 310), заявившій о „Чтеніяхъ по сравн. грамм. слав." Челяковскаго въ докладѣ II Отдѣленію Ак. Н.: „Едва ли кто другой изъ ученыхъ славянскихъ былъ въ такой мѣрѣ готовъ для подобнаго предпріятія, въ какой Челяковскій, обладавшій живымъ знаніемъ большей части нарѣчій и съ глубокимъ знаніемъ всѣхъ главныхъ языковъ древней и новой Европы соединявшій разумѣніе сравнительной филологіи". Интересно сравнить оба отзыва, Шафарика и Срезневскаго, съ тѣмъ, что находитъ въ „Чтеніяхъ" проф. М. Гаттала, Č. Č. M., 1854, 105.

дательнаго“ для чеховъ слога. Эти заботы о развитіи родного языка составляютъ одну изъ величайшихъ заслугъ Челяковскаго, бодро отстаивавшаго его права, несмотря на появлявшіяся иногда у него, какъ и у Добровскаго, сомнѣнія въ пользѣ и необходимости этой дѣятельности.

Скромное мѣсто въ сонмѣ второго поколѣнія чешскихъ славистовъ занимаетъ Колларъ съ его попытками разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ славянской старины. Пѣвецъ и глашатай взаимности славянской, собиратель вмѣстѣ съ Шафарикомъ народныхъ пѣсенъ словенскихъ увлекается впослѣдствіи славянской древностью, несомнѣнно, подъ вліяніемъ изысканій Шафарика, и въ своемъ поэтическомъ увлеченіи создаетъ рядъ трудовъ, которые нынѣ могутъ имѣть значеніе лишь какъ доказательства того вліянія, которое имѣли въ свое время изслѣдованія Шафарика.

Этимологическія сближенія Коллара такія же „стихотворенія въ прозѣ“, какъ и нѣкоторыя объясненія Челяковскаго.

Блестящее развитіе славяновѣдѣнія чешскаго въ трудахъ Добровскаго, Шафарика, отчасти Ганки и Челяковскаго не осталось безъ вліянія на весь славянскій ученый міръ, и съ особенною силою это вліяніе сказалось въ работахъ первыхъ русскихъ славяновѣдовъ: Бодянскаго, Срезневскаго, Прейса и Григоровича, кои въ своей дѣятельности являются столь же разносторонними, какъ и ихъ учителя. Связи Добровскаго, хотя и побывавшаго въ Россіи и работавшаго въ библіотекахъ Петербурга и Москвы, съ русскими учеными были весьма незначительны, вѣроятно, отчасти потому, что русское славяновѣдѣніе еще не существовало, и серьезное вниманіе на „богемскую литературу“ обращалъ чуть ли не единственный Шишковъ, лично познакомившійся съ патріархомъ славистики еще въ Прагѣ. Счастливѣе въ этомъ отношеніи были его ученики и преемники. Ганка съ особеннымъ увлеченіемъ поддерживаетъ эти связи, и если онѣ носятъ въ меньшей степени характеръ ученый и въ бо́льшей посредническо-книгопродавческій, то все-таки и эта скромная дѣятельность его приноситъ обоюдную пользу: и нашимъ ученымъ и Ганкѣ, и не только ему одному, но и его сверстникамъ и даже ряду послѣдующихъ поколѣній. Библіотека Чешскаго Музея въ значительнѣй-

шей части обязана неутомимой хлопотливости и безкорыстнымъ стараніямъ Ганки своимъ богатымъ славянскимъ отдѣломъ. Едва ли можетъ сравниться съ нею въ этомъ отношеніи какая-либо другая изъ библіотекъ русскихъ и славянскихъ.

Болѣе высокимъ характеромъ отличаются связи Шафарика съ ученымъ славянскимъ міромъ, безконечно выше было и его благотворное вліяніе на нашихъ первыхъ ученыхъ славянскихъ путешественниковъ. Прага съ появленіемъ въ ней Шафарика сдѣлалась „Іерусалимомъ славяновѣдѣнія“, куда, словно паломники, стекались многочисленные представители разныхъ вѣтвей славянства, поучиться здѣсь и подышать свѣжимъ вѣяніемъ новой славянской жизни.

Это общеніе духа лучшихъ работниковъ начальныхъ лѣтъ славяновѣдѣнія русскаго и чешскаго приносило весьма плодотворные результаты для обѣихъ сторонъ. Самъ Шафарикъ признавался неоднократно, что безъ помощи своихъ русскихъ друзей едва ли онъ успѣвалъ бы въ работахъ столько, сколько ему удавалось. Погодинъ, Бодянскій, Срезневскій, Прейсъ, Григоровичъ, Невоструевъ и мн. др.— всѣ считали своимъ долгомъ оказывать Шафарику содѣйствіе, когда онъ въ немъ нуждался. Погодинъ помогалъ Шафарику матеріально, безъ его поддержки, быть можетъ, не удалось бы Шафарику осуществить изданіе своихъ „Древностей“; остальные помогаютъ ему всякаго рода сообщеніями по книжной части, обильными выписками изъ рукописей; особенно много почерпаетъ Шафарикъ для своихъ работъ изъ богатаго собранія Григоровича. Въ этомъ высокомъ общеніи первыхъ славяновѣдовъ чешскихъ и русскихъ сказалась огромная внутренняя сила славянскаго духа, оно имѣетъ великое моральное значеніе, и въ немъ лежитъ залогъ успѣшнаго развитія и преуспѣянія славянскихъ изученій и въ будущемъ.

Къ какимъ же выводамъ и мыслямъ приводитъ насъ обозрѣніе исторіи чешской славистики? Всего плодотворнѣе, какъ мы могли убѣдиться, были труды тѣхъ ученыхъ, у которыхъ широкая и строгая филологическая подготовка лежала въ основѣ всѣхъ

ихъ разностороннихъ трудовъ и позволяла имъ сказать авторитетное слово свое во всѣхъ спеціальныхъ отдѣлахъ науки. Таковы были труды Добровскаго и Шафарика. Но то было начальное развитіе науки, которая неимовѣрно съ тѣхъ поръ разрослась и должна была спеціализироваться. При настоящемъ положеніи славистики уже стали невозможны Добровскіе и Шафарики—въ смыслѣ объема ихъ изученій. Нынѣ славяновѣду необходимо спеціализироваться, но такъ какъ есть предметы и вопросы, разрѣшаемые лишь на почвѣ взаимодѣйствія различныхъ спеціальныхъ дисциплинъ и методовъ, то разумѣется спеціализація должна имѣть свои предѣлы, и славистъ долженъ помнить, что языкознаніе и исторія, эти основныя области филологическаго вѣдѣнія, не могутъ быть разлучены безъ ущерба своему развитію, и какъ славянскій историкъ не можетъ часто ступать твердо безъ извѣстной филологической подготовки, такъ и славянскій лингвистъ будетъ безпомощенъ безъ знанія исторіи славянской, быта, культуры и древности.

Записка П. І. Шафарика

объ учрежденіи каѳедры славянской филологіи въ Прагѣ *).

Es ist eine allgemein bekannte Thatsache, dasz in dem geistigen Leben der slavischen Völker Europas in den letzten drei Decennien grosze Veränderungen vorgegangen sind, dasz neuerwachte Ideen die schlumernden Kräfte der einzelnen Zweige derselben in eine ungewöhnliche Bewegung gesetzt haben, als deren gemeinsames Endziel man, bei aller Verschiedenheit der eingeschlagenen Richtungen, die Erhaltung und Ausbildung der angestammten Nationalität klar erkennen kann. Es würde sowohl an sich, als auch für unsern gegenwärtigen Zweck unersprieszlich sein den Ursachen dieses allgemeinen Erwachens der slavischen Völker zum neuen geistigen Leben] nachzuspüren, da die letzten und wahren Gründe der Offenbarungen des Geistes, seiner Stillstände, Rückschritte und Fortschritte, bei [der] Natur des

*) Въ предисловіи къ „Rozpravám z oboru věd slovanských“ (Pavla Jos. Šafaříka Sebrané Spisy, Díl III, v Praze, 1865. Předmluva, стр. V, примѣч.) І. Иречекъ говоритъ, что изданіе нѣкоторыхъ статей Шафарика, въ томъ числѣ и докладовъ его „o provedení rovnoprávnosti na školách českých, o potřebě kathedry slovanského jazykozpytu na universitě Pražské a Berlinské“ и пр. откладываетъ до слѣдующаго, т. е. IV-го тома, который не былъ еще изданъ. Записку эту печатаемъ по оригиналу Шафарика, хранящемуся въ библіотекѣ Чешскаго Музея. Въ виду несомнѣннаго подъема интереса въ русскомъ обществѣ къ славянству вообще и обсужденія представителями нашихъ славянскихъ каѳедръ вопроса о наиболѣе цѣлесообразной постановкѣ преподаванія славяновѣдѣнія въ нашихъ университетахъ и даже о введеніи элементовъ его въ среднюю школу (напр., проф. П. А. Лавровымъ въ примѣчаніяхъ къ переведенной имъ запискѣ Шафарика объ учрежденіи славянской каѳедры въ Берлинѣ; проф. К. Я. Гротомъ въ его только что вышедшемъ сборникѣ статей: „Объ изученіи славянства“, Спб., 1900), появленіе въ печати этой записки Шафарика намъ кажется своевременнымъ.

menschlichen Willens, gegenüber der göttlichen Allmacht und Liebe, immer leichter und sicherer im Glauben zu erfassen, als in Begriffen überzeugend darzustellen sind: uns genügt auf die Thatsache, als solche, und auf ihre Wichtigkeit in Beziehung auf die politischen Verhältnisse der Völker und Staaten unser Augenmerk zu heften. Dasz diese neue geistige Regsamkeit der slavischen Völker und ihre politische Bedeutsamkeit keineswegs ein grundloses Vorgeben o. absichtliches Überschätzen einzelner Philoslaven, sondern eine wirkliche Thatsache ist, dafür kann als Beweis schon der Umstand dienen, dasz dieselbe, als solche, bereits vom nahen und fernen Auslande in Worten und Thaten anerkannt worden ist, obwohl man gern zugeben wird, dasz bei der jetzigen gegenseitigen Stellung der Völker slavischer und germanischer oder romanischer Zunge, ihrer zeitherigen Abgeschiedenheit in Sprache, Sitte und vertraulicherem Verkehr, die beiden letztern weder die wahre innere Natur dieser Bewegungen vollständig auffassen, noch ihr Masz und Ziel richtig würdigen können. Man kann ohne Übertreibung behaupten, dasz innerhalb des deutschen, als des mit dem Slavischen zunächst angränzenden Sprachgebiets in den letzten drei Jahrzehenden weit mehr Schriften und Aufsätze in Büchern, Journalen und Zeitungen über die slavischen Zustände und Bestrebungen erschienen sind, als früher seit der Erfindung der Buchdruckerkunst, ja seit dem Anfange des gesammten deutschen Schriftwesens bis auf jene Zeit herab. Die Regierungen von Preuszen und Frankreich fanden sich bewogen eigene Lehrstühle für slavische Sprache und Litteratur auf den Universitäten in Berlin, Breslau und Paris auf nicht unbedeutendem Kostenaufwand zu errichten, zunächst und ostensibel im reinwissenschaftlichen Interesse, im Grunde aber doch wohl nicht ganz ohne politische Motive und Nebenabsichten diese letztere Thatsache und Maszregel, die wir mehr nach ihrem Endzweck, als nach dem bisherigen Erfolge beurtheilen, scheint uns noch mehr als alles übrige zu beweisen, dasz man im Auslande den Eintritt einer neuen Phase in dem Nationalleben der Slaven und in Folge dessen auch die Nothwendigkeit erkannt hat, aus der bisherigen passiven oder negativen Stellung herauszutreten, und sich neue Organe zu schaffen, nicht nur um von den Bewegungen des geistigen Lebens der den ganzen Nord-Osten von Europa in Massen erfüllenden slavischen Völker genauer als bis jetzt unterrichtet zu sein, sondern auch, um wo möglich auf die Richtung dieser geistigen Bewegungen direkten Einflusz zu nehmen.

Dasz sowohl jene neue Regungen des geistigen Lebens unter den slavischen Völkern, als auch die durch dieselben veranlaszten neuen Masznahmen, insbesondere die Errichtung slavischer Lehrstühle im

Abendlande, der Aufmerksamkeit unserer hohen Staatsregierung nicht entgangen sind, vielmehr dieselbe in gebührendem Masze gefesselt haben, leuchtet Jedermann ein. Vier ansehnliche slavische Stämme, der böhmisch - mährisch-slowakische und der polnische im Norden, der ruthenische im Osten, und der illirische oder serbische im Süden, erfüllen die gröszere Hälfte der Länderräume des Kaiserreichs an der Zahl über 17 Millionen stark, also der Hälfte der Gesammtbevölkerung gleichkommend und den übrigen einzeln genommenen Völkern, Deutschen, Magyaren, Italienern und Wallachen gegenüber ohne Vergleich stärker; nicht weniger als sieben Kronen von ehemals slavischen und auch jetzt noch wo nicht ausschlieszend, so doch der Mehrzahl nach von Slaven bewohnten Königreichen, von Böhmen, Dalmatien, Kroatien, Slavonien, Galizien, Lodomerien und Illyrien, prangen auf dem Haupte des erhabenen Beherrschers Österreichs. Ein groszer Theil jener geistigen Bewegungen und nationalen Bestrebungen, von denen die Rede war, entwickelte sich im Schoosze der slavischen Völker Österreichs; es fehlte nicht an vorübergehendem Conflict mit andern ebenfalls im raschen Aufschwung begriffenen Nationalitäten, zumal in Ungarn und Kroatien, und über keinen andern Zweig des slavischen Stammes sind innerhalb der letzten zehn Jahre soviele, zum Theil sehr gründliche Kontroversschriften erschienen, als über den böhmisch-mährisch-slowakischen. Wie hätten Ereignisze und Zustände dieser Art nicht in einem hohen Grade die Fürsorge unserer erhabenen und weisen Regierung in Anspruch nehmen sollen? Fragen wir nach ihrem Verhalten dabei, so können wir ruhig und frohen Muthes, statt uns auf Erörterung von Prinzipien einzulassen, was uns nicht zusteht, auf Thatsache hinweisen, welche vor aller Augen liegen. Wir finden, dasz die Regierung ihren alten, angeerbten Grundsatz, alle ihr von Gott anvertrauten Nationen mit gleicher Liebe zu umfassen, gegen alle gleiche Gerechtigkeit zu üben, einen Grundsatz, der Österreich grosz und trotz momentaner Unglücksfälle, doch auf die Dauer unbesiegbar gemacht hat, auch in der neuesten Zeit, bei den Regungen der slavischen Nationalität und den daraus entsprungenen, der Natur der Sache nach unvermeidlichen, vorübergehenden Konflikten unverrückt im Auge festgehalten, und demgemäsz auch den Slaven das Recht gewährt hat, welches den drei andern, dem österreichischen Scepter unterworfenen Haupt - Nationen im vollen Masze gewährt wird, ihre Sprache und Nationalität innerhalb der gesetzlichen, durch die Natur des Staatsorganismus gebotenen Schranken zu erhalten, zu bilden und zu veredeln. Wir leben der festen Zuversicht, dasz unsere erhabene Regierung, bei der erleuchteten Weisheit und hohen Menschenliebe, die Sie beseelt, auch künftig und in alle Zukunft diese

Bahn gleicher Gerechtigkeit und Liebe gegen alle von der göttlichen Vorsehung ihrer Obhut und Fürsorge anvertrauten Nationen einhalten, die Kraft und Stärke des Staates nicht in einer künstlich und mit gewaltsamen Mitteln dem Zwecke der Natur und bestehenden Rechten zuwider, geschaffenen Einheit der Sprachen, die vollständig zu erreichen doch stets unmöglich sein würde, sondern vielmehr in der Einheit der Gesinnung, in der Liebe ihrer Untergebenen zu der angestammten glorreichen, ihre Völker beglückenden Dynastie, in dem lebendigen Gefühl jedes Einzelvolkes, dasz sein wahres Wohl wesentlich durch den Verband mit dem österreichischen Staate bedingt ist, suchen wird. Nur in Folge dieser unserer lebendigen Überzeugung, dasz unsere erhabene Regierung unwandelbar fest entschloszen ist, auch die ihrer mächtigen Obhut untergebenen slavischen Völker, gleich den Deutschen, Magyaren und Italienern, auf ihrem indigenen Boden, bei ihrer angestammten Nationalität, zu schützen und ihre geistige Fortbildung auf nationaler Grundlage nach Kräften zu fördern, wagen wir es unsere Gedanken und Vorschläge über eine Maszregel niederzuschreiben, welche uns, in Bezug auf die Regelung des Ganges der mit Kraft erwachten Nationalbestrebungen der Slaven sehr wichtig und sowohl im Interesse der Humanitat und Wissenschaft, als auch im speciellen Interesse des österreichischen Staates zu liegen scheint.

Wir sind nämlich der festen Überzeugung, dasz endlich der Zeitpunkt gekommen ist, wo ein bloszes Beaufsichtigen, Gewähren und Gehenlassen der im Schoosze der slavischen Völker Österreichs sich kundgebenden nationalen Bestrebungen von Seiten der Staatsmacht nicht ausreicht, sondern wo das Ergreifen irgend einer Maszregel, um auf den Gang und die Richtung dieser Bestrebungen wohlthätig und dem gesammten höhern Staatszwecke gemäsz einzuwirken, eine sowohl von dem allgemeine Interesse der Humanität und Wissenschaft als auch von dem speciellen des österreichischen Staatswohls dringend gebotene Aufgabe geworden ist. Als eine solche, bei der gegenwärtigen Lage der Dinge, vor allen andern nothwendige, leicht zu bewerkstelligende, äuszerlich still und geräuschlos ins Leben einführbare, innerlich auf die Befruchtung und Richtung der Geister wohlthätig einwirkende Maszregel, sehen wir die Errichtung eines Lehrstuhls für höhere slavische Philologie an einer, in einem slavischen Lande, namentlich an der in Böhmen belegenen Universität an: eines Lehrstuhls, von welchem aus lernbegierigen, den Universitätsstudien obliegenden Jünglingen durch einen anständig besoldeten Professor die vergleichende slavische Grammatik und die damit nothwendig zusammenhängenden Doctrinen, als die Geschichte der slavischen Sprache und Literatur und die Interpretation der für das Sprachstudium wich-

tigsten, slavischen Sprach - und Literatur - Denkmäler auf eine, der jetzigen Höhe der Sprachwissenschaft entsprechende Weise vorgetragen würden. Die Gründe, auf welche sich unsere Ansicht stützt, sind ihrem Wesen nach und kurzzusammengefaszt folgende.

Österreich, mitten in Europa gelegen und durch die eine Hälfte seiner Einwohner mit den groszen germanischen und romanischen Stämmen des Westens, durch die andere mit dem ausgebreiteten slavischen Stamme des Ostens zusammenhängend, ist schon durch seine Stellung und Lage von der Vorsehung dazu ausersehen, um allüberall, in der Politik und Staatskunst, in der Wissenschaft und Industrie, im Handel und Verkehr, in der Frage der Nationalitäten, einer Frage, welche nun in den meisten Staaten und Ländern Europas in die Vorderreihe der die Fürsorge der Regierungen in Anspruch nehmenden Probleme getreten ist als eine vermittelnde, friedenstiftende, scheinbare o. wirkliche Gegensätze durch höhere Weisheit in Harmonie auflösende, somit wahrhaft erhaltende Macht zu wirken. Ein hochheiliger, segensvoller Beruf! Was die österreichische Regierung in der letzten Zeitperiode, seit dem Ende des vorigen und dem Beginne des gegenwärtigen Jahrhunderts, durch Weisheit und Festigkeit den Völkern und Staaten in Bezug auf die Konsolidirung des Friedenszustandes von Europa, auf Beförderung der Industrie, des Handels und Verkehrs, mit Überwindung aller Schwierigkeiten Groszes und Gutes geleistet hat, erregt Bewunderung und verdient den Dank der Mit - und Nachwelt: sollte sie sich den Ruhm und die Palme der Vermittlung der Nationalitäten, die ihr von der Vorsehung selbst zugedacht worden zu sein scheinen, etwa der einem solchen Friedenswerke scheinbar entgegenstehenden Schwierigkeiten wegen entreiszen lassen? In dem Bereich des österreichischen Staates berühren sich, mannigfaltig ineinander verflochten und doch wiederum nach den Provinzen und Ländern geschieden, die Nationalitäten dreier Hauptstämme von Europa, des deutschen, romanischen, und slavischen: ihr Nebeneinandersein ist eine Naturnothwendigkeit, ihr Fortbestand auf ihrem indigenen Boden, menschlich zu denken, für eine unabsehbare Zukunft gewisz. Was auch im Rathe der Vorsehung über den Gang der geistigen Bildung bei den Slaven und somit über den Rang, den sie in der Reihe der civilisirten Völker der Erde einnehmen werden, beschlossen sein mag; immer wird der in groszen Massen die ganze Osthälfte von Europa einnehmende Slavenstamm, der unmittelbare Nachbar des deutschen und romanischen bleiben, und immer wird sich Folge der fortschreitenden Kultur und Industrie, so wie der raschsteigenden Bevölkerung, wofern nicht urplötzlich wilde Barbarei und Verfinsterung über Europa einbrechen, was doch wahrhaftig bei dem jetzigen Zu-

stand der Dinge und bestehenden Garantien der Bildung, Gesittung und Ordnung, Niemand befürchten wird, die Nothwendigkeit friedliche und freundschaftliche Verhältnisze mit einander zu unterhalten, um sich das Leben angenehm oder auch nur möglich zu machen, für alle drei Stämme, dringender und gebieterischer herausstellen. Es ist eine unbestreitbare Thatsache, dasz die Nationen als solche, ebenso wie die Individuen, nichtsmehr trennt, als die Unbekanntschaft mit fremder Sprache und Sitte, und dasz sie um so geneigter werden, mit einander friedlich und freundlich zu verkehren, je näher sie gegenseitig ihre Sprachen und Sitten kennen lernen: denn kein Volksstamm ist im ausschlieszlichen Besitz aller Güter und Vorzüge der menschlichen Natur, jeder besitzt etwas, was dem Andern Achtung und Liebe abgewinnt, sobald er es näher kennen gelernt hat. Diese Kenntnisz fremder Sprache und Sitte musz aber, um wirksam zu sein, auf beiden Seiten gleichmäszig vertheilt, musz reciprok sein: es führt zu nichts, es führt im Gegentheil zur Verstimmung, wenn die eine Seite sich in Folge einer unnatürlichen, erzwungenen Stellung positiv, die andere negativ verhält, wie dies leider zeither mit den Slaven, Germanen und Romaniern der Fall war. Uns bedünkt demnach, dasz die Errichtung eines solchen Lehrstuhls gerade jetzt, wo die Industrie und der Handel in groszem Aufschwunge begriffen sind, und eine gröszere Annäherung der Nationen und Stämme ein gegenseitiges lebhaft gefühltes Bedürfnisz ist, eine von den Interessen der Humanität selbst anempfohlene, die Vermittlung der Nationalitäten bezweckende Maszregel ist. Ebenso wohlthätig und folgenreich würde unserer Meinung nach die Einwirkung eines slavisch-philologischen Lehrstuhls unmittelbar auf den Gang der allgemeinen Sprachwissenschaft, und mittelbar auf den der meisten positiven Wissenschaften, vorzüglich der Rechts-und Alterthumskunde und der Geschichte der Hauptstämme Europas sein. Es ist bekannt, dasz die genannten Wissenschaften, gleich den übrigen positiven Doktrinen, in neuerer Zeit sich aus dem Felde unfruchtbarer philosophischer Speculationen auf das Gebiet der streng historischen Forschung zurückgezogen haben, und dieser neuen Richtung ihre für das Leben so fruchtbare Blüthe verdanken. Das jetzige wissenschaftliche Sprachstudium ist zumal ganz historisch-komparativer Natur: der Gesichtskreis ist erweitert, die Philologie ist nicht mehr auf die zwei alten klassischen Sprachen beschränkt, das Sanskrit und Zend und in Europa das Germanische, Romanische und Slavische sind als ebenbürtige Schwestern in ihre natürlichen Rechte eingetreten. Was zumal die drei ausgebreitetsten europäischen Stammsprachen, das Germanische, Romanische und Slavische anbelangt, so stehen sie, in Folge gemeinschaftlicher Abstammung und Jahrtausende langen

Nebeneinanderlebens der sie sprechenden Stämme, in Materie und Form, in einer so nahen Verwandschaft und in so vielfachen Wechselbeziehungen zu einander, dasz man die Natur und das Wesen keiner derselben vollständig ergründen kann, ohne die übrigen zwei mit zu berücksichtigen. Dies haben die Gründer der neuern Sprachwissenschaft, Wilhelm von Humboldt, Jakob Grimm und Franz Bopp, eingesehen und öffentlich ausgesprochen, und man kann ohne Uebertreibung sagen, dasz sowohl die drei genannten unsterblich verdienten Männer, als auch ihre Genoszen und Mitarbeiter, namentlich Burnouf, Eichhoff, Pott, Lassen, Schlegel u. a. zu noch weit festern und glänzendern Resultaten gelangt sein würden, wenn ihnen das Slavische zugänglicher gewesen wäre, und wenn überhaupt die slavische Sprachforschung auf slavischem Boden bis jetzt mehr und gründlicher gehegt und gepflegt worden wäre. Die Anerkennung der Nothwendigkeit, das höhere slavische Sprachstudium mit in den Kreis der europäischen Philologie zu ziehen, hat ohne Zweifel die Gründung von slavischen Lehrstühlen in Paris, Berlin und Breslau, dann in Petersburg, Moskau und auf einigen andern russischen Universitäten veranlaszt. So geneigt man ist, der französischen und preuszischen Regierung für die Gründung jener Lehrstühle, schon wegen der edlen Absicht, volle Anerkennung und aufrichtigen Dank zu zollen, so musz man doch gestehen, dasz jene Aufgabe der Vermittlung der slavischen, germanischen und romanischen Sprachforschung solange entweder unerledigt bleiben oder doch sehr unvollkommen und spät erreicht werden wird, bis sich Oesterreich der Sache nicht annimmt und einen Lehrstuhl für höhere slavische Philologie nicht gründet. Österreich allein besitzt alle Mittel dazu; die Natur und die Vorsehung scheinen es zur Lösung dieser Aufgabe bestimmt zu haben. Hier in Österreich und nur in Österreich allein werden alle Hauptmundarten des Slavischen, die böhmische, polnische, ruthenische, mit ihren Unterarten, der slovakischen, windischen, kroatischen und serbischen, gesprochen, und können unmittelbar aus der lautersten, lebendigen Quelle erlernt werden; hier in Österreich, welches unter seinen Bewohnern gegen vier Millionen Slaven griechischen Ritus, unirte und nicht unirte (nämlich nahe an drei Millionen Ruthenier in Galizien und Ungarn und über eine Million Serben in Ungarn, Slavonien, Kroatien und Dalmatien), ferner Glagoliten in Dalmatien und Istrien, die einzigen in der ganzen Slavenwelt, zählt, ist Gelegenheit, die Kenntnisz des Kirchenslavischen und Glagolitischen aus unmittelbarer Anschauung und so zu sagen aus dem Leben zu schöpfen; hier in Österreich ist die slavische Philologie als Wissenschaft von selbst und ohne alle Anregung entstanden, findet auch jetzt, trotz der ungünstigen äuszern Verhältnisze, ihre eifrigen Pfleger, und es bedarf nur

eines Sonnenblicks der Regierung, um sie für die höhere Sprachwissenschaft des gesammten Europa fruchtbar zu machen.

Es scheint uns aber nicht nur das Interesse der Menschheit und der Wissenschaft, sondern auch das eigene Staatswohl Österreichs dringend zu erheischen, dasz die hohe Staatsregierung durch die Errichtung eines Lehrstuhls für die höhere slavische Philologie eine Lücke in ihren Institutionen zur geistigen Bildung ihrer Völker ausfülle, welche jetzt noch weniger bemerklich, unter den obwaltenden Umständen recht bald sehr fühlbar, ja nachtheilig werden könnte. Wir wollen kein besonderes Gewicht darauf legen, dasz bei der zwar langsamen, aber unaufhaltbar vorwärtsrückenden Ideenbewegung und bei dem unläugbaren Aufschwung des Nationalgefühls aller slavischen Völker und jener Österreichs insbesondere, eine väterlich leitende Einwirkung auf die Richtung ihres geistigen Lebens und ihrer nationalen Litteratur, uns dem speciellen Staatszwecke Österreichs mehr förderlich zu sein scheint, als ein bloszes Beobachten und Gehenlassen: denn, so sehr wir des vollen Glaubens und der festen Überzeugung leben, dasz das allenthalben neu erwachte Nationalgefühl der Slaven nicht spurlos verschwinden, sondern noch lange auf die Gestaltung des eigenen und fremden Volkslebens umfassend und nachhaltig, in der Zukunft aller Wahrscheinlichkeit nach noch umfassender und nachhaltiger als jetzt einwirken wird, so wollen wir dennoch die Wechselfälle der Zukunft auszer Acht lassen und lediglich das Staatswohl Österreichs bei dem jetzigen Bestand seiner Völker ins Auge fassen. Wir halten die Errichtung eines Lehrstuhls der slavischen Philologie für nothwendig, als eine Vervollständigung der bereits bestehenden Lehrstühle für einzelne slavische Mundarten, als eine Pflanzschule zur Bildung slavischer Gelehrten, welche geeignet wären der hohen Staatsregierung in Angelegenheiten der Kirche, der Schule und der Zensur in slavicis als brauchbare Organe zu dienen, als eine Anstalt, welche auf den Gang der speciell österreichischen oder vaterländischen, positiven Wissenschaften fördernd einwirken würde, endlich als ein Institut, welches die Ehre der Hegemonie der in Österreich zuerst entstandenen höheren slavischen Sprachwissenschaft dem österreichischen Staate bleibend sichern würde.

Die hohe Staatsregierung hat die Nothwendigkeit des Studiums der slavischen Sprache schon wegen der Bildung von Dignitarien, Beamten und Offizieren für den Kirchen,-Zivil - und Militärdienst anerkannt und deshalb Lehrstühle der einzelnen slavischen Landesmundarten an mehreren Universitäten und Lyceen der Monarchie gegründet. Diese Anstalten leisten wohl für den, ihnen zunächst vorgezeichneten Zweck etwas, die eine mehr, die andere weniger: sie leisten

aber doch nicht Alles, was sie sollten, und können es unmöglich, so lange ihnen der nothwendige Stützpunkt fehlt, nämlich ein Lehrstuhl zur Bildung tüchtiger Slavisten, die als Lehrer bei denselben angestellt werden könnten. So lange die Slavistik bei uns lediglich der freiwilligen Pflege einzelner, durch ihren Beruf meist der Schule fernstehender Liebhaber derselben, also dem Zufalle überlassen bleibt, solange nicht geistig begabten, strebsamen slavischen Jünglingen die Möglichkeit eröffnet wird, sich auf irgend einer Universität in der slavischen Philologie gründlich auszubilden, werden sich die Schwierigkeiten bei der Besetzung genannter Lehrstühle der slavischen Provinzialmundarten durch tüchtige, in der Slavistik gründlich bewanderte Lehrer, nie gänzlich beseitigen, und somit auch die bei der Gründung derselben vorwaltende Absicht nie vollständig erreichen lassen. Von einer wohlthätigen Einwirkung dieser Lehranstalten auf den Bildungsgang der slavischen Sprache und Litteratur kann bei der jetzigen Einrichtung derselben kaum die Rede sein; eine solche ist bis jetzt nirgends verspürt worden, so sehr man auch dem guten Willen und Bestreben einiger Lehrer, namentlich in Böhmen und Mähren, besonders in der neuesten Zeit, volle Gerechtigkeit widerfahren lassen musz.

Es kann ferner die hohe Staatsregierung in den Angelegenheiten der Kirche, der öffentlichen Erziehung und der Schule, endlich der Litteratur selbst und namentlich der Zensur des Rathes, der Mitwirkung und des Dienstes tüchtiger, verlässlicher Slavisten nicht entbehren. Wir haben schon oben erwähnt, dasz nahe an vier Millionen Slaven in Österreich, dem griechisch-slavischen Ritus zugethan sind, *) wozu noch die ebenfalls slavisch liturgirenden Glagoliten in Dalmatien und Istrien kommen. Diese alle bedienen sich gleich den Serben, Bulgaren und Russen in ihren liturgischen Büchern und beim Gottesdienst der altslavischen Kirchensprache: ihre Religionsbücher bilden einen besondern, sehr wichtigen Zweig der altslavischen Litteratur und des höhern slavischen Sprachstudiums, und es ist bei ihnen diese liturgische oder Kirchenmundart im Laufe eines Jahrtausends so sehr mit ihrer Nationalität und mit allen Institutionen des Lebens verwachsen, dasz an eine völlige und plötzliche Trennung derselben durchaus nicht zu denken ist, wie sich denn auch wirklich sogar die Abschaffung des alten Kalenders bei ihnen bis jetzt als unausführbar gezeigt hat. Die Religions - und Schulangelegenheiten dieser zum Theil, wie in Ungarn, besonderer Privilegien genieszenden Slaven-

*) Ruthenier und Serben, wiewohl nach dem Römichen Ritus. Прим. Шафарика.

zweige, nehmen die Fürsorge der hohen Staatsregierung oft von einer Seite her in Anspruch, auf welcher das sprachliche Interesse mit ein Moment der Entscheidung wird, und wo von der klaren Einsicht in dasselbe die Beschaffenheit der letztern wesentlich abhängt. Ebenso häufig kommt dieses sprachliche Interesse in allen das Kirchen - und Schulwesen oder die öffentliche religiöse, moralische und intellectuelle Erziehung der übrigen slavischen Völker, katholischer und protestantischer Religion, betreffenden Angelegenheiten in Betracht, und es ist vorauszusehen, dasz, jemehr sich das neuerwachte Nationalgefühl bei den Slaven entwickeln und kräftigen wird, auch die Nothwendigkeit demselben durch bildende und leitende Institutionen, namentlich in den höheren Schulen, entgegenzukommen immer dringender wird. Die Vertagung solcher und ähnlicher Fragen hilft wohl für den Augenblick etwas, führt aber nicht zum Zwecke, denn die Dinge gehen inzwischen ihren eigenen Lauf fort, die Gegensätze werden schroffer, und die Ausgleichung und Lösung wird nur umso schwieriger. In allen diesen und ähnlichen Fragen, in deren Detail wir nicht eingehen können, ist der hohen Staatsregierung der Beistand und der Dienst sachkundiger, gründlich gebildeter slavischer Gelehrten unentbehrlich. Nicht minder unentbehrlich ist ihr die Mitwirkung intelligenter und kenntnissreicher Slavisten bei der Ausübung der für den Staat so wichtigen Zensur, sowohl der inländischen als auch ausländischen Schriften. Die Functionen der zur Ausübung dieser Pflichten berufenen Männer werden von Tage zu Tage um so schwieriger, je mehr die Litteratur der einzelnen Slavenzweige aus dem Kreise der niedern Volkslitteratur heraustritt, und eine höhere, den gebildeten Lesekreisen angepasste Richtung nimmt, je gröszer die Zahl der Gelehrten, geistreichen und oft gewandten Schriftsteller wird, und jemehr Dialecte, in denen jetzt slavische Werke geschrieben und gedruckt werden, nach und nach an die Reihe kommen. Wohl ist es wahr, dasz es der hohen Staatsregierung seit beinahe einen halben Jahrhundert an gelehrten Slaven nicht gefehlt hat, welche sie in vorkommenden Fällen verwenden, denen sie die oberwähnten Funktionen anvertrauen konnte: doch hatte sie dies dem bloszen Zufalle zu verdanken, war oft aus Mangel an mehreren gleichfähigen Männern, an ein einzelnes Individuum gebunden, und der Freiheit, mehrere unabhängige Stimmen über denselben Gegenstand einzuvernehmen, beraubt.

Die Einrichtung eines Lehrstuhls für höhere slavische Philologie würde ferner unserer Überzeugung nach, als Pflanzschule gründlich gebildeter Slavisten, auch den Gang der speciell österreichischen positiven Wissenschaften auf dem Gebiete der Rechts-

und Staatskunde, der Geschichte und der Archäologie höchst wohlthätig einwirken. Die slavischen Völker Österreichs haben auch ihre Geschichte: ihr Leben und Wirken ging nicht spurlos, weder auf dem eigenen Boden noch an dem Leben und Wirken der übrigen Völker der Monarchie vorüber, vielmehr griff dasselbe tief und mannigfaltig in die Gestaltung des einen und des andern ein. Wenn wirklich durch ein unbegreifliches Wunder, welches in diesem Falle wohl Niemand erwarten wird, die gesammte slavische Sprache und Sitte urplötzlich und mit einemmale von dem Boden der österreichischen Monarchie verschwinden möchte, würden doch die materiellen und geistigen Spuren des Daseins und Wirkens dieser Völker noch nach Jahrtausenden allüberall sichtbar sein. Das Begreifen der Gegenwart aus der Vergangenheit, die gründliche Einsicht in die Geschichte, Sitte und die Rechtsgebräuche der übriggebliebenen Völker der Monarchie, der Deutschen, Magyaren, Italiener und Wallachen, würde auch dann ohne Hülfe gründlicher slavischer Sprach-und Geschichtsstudien durchaus unmöglich sein. Die Nachtheile der bisher über alle Gebühr verabsäumten slavischen Sprachstudien treten besonders in der historischen und archaeologischen Litteratur des nördlichen Deutschlands, wo die slavische Sprache bereits seit einem halben Jahrtausend erloschen ist, scharf hervor. Ein Kenner des Slaventhums sieht es auf den Blick, dasz man, trotz des Ringens der ungeheuersten geistigen Kräfte, und trotz des Zusammenschreibens von ganzen Bibliotheken historischer und antiquarischer Bücher doch nirgends zu festen, warhaft befriedigenden Resultaten gelangen kann, weil der Schlüssel zum Verständnisze der Vergangenheit und ihrer Denkmäler, die Kenntnisz der slavischen Sprache und Sitte fehlt. Wenn dies in Ländern, in denen das Slaventhum bereits seit Jahrhunderten vom Schauplatze der Geschichte gewichen, ohne andere Denkmäler des Daseins, als Grabmäler und Grabsteine, einzelne Wörter und Phrasen in lateinischen Urkunden und Chroniken, runde Physiognomien bei niederem Volke und schwache Überreste in Sitten und Gebräuchen zurückzulassen, wirklich der Fall ist: um wie viel wichtiger musz die Kenntnisz der slavischen Sprachen für den Fortgang der höhern historischen und andern Wissenschaften in Österreich erscheinen, wo die Slaven bis auf den heutigen Tag die ausgedehntesten Länder und Provinzen der Monarchie bewohnen, eine eigene Litteratur haben, und auf den Bildungsgang der übrigen Nationen, auf die Gestaltung der Sitte, des Rechts und der Verfassung der Provinzen und des Gesammtstaates einen weit gröszern und anhaltendern Einflusz ausüben, als dort. Slavische Lebens-und Bildungselemente füllen die Geschichte der Königreiche Böhmens, Galiziens und Lodomeriens, Illyriens, Slavoniens, Kroatiens und Dalmatiens aus; Ungarns Geschichte und Verfassung ist von ihnen durchdrungen, und ohne Kenntnisz

des Slaventhums, ihrem Ursprunge und Wesen nach unenträthselbar; slavische Urkunden, Schriften und Bücher aller Art machen einen wichtigen Bestandtheil der gröszten öffentlichen und Privatbibliotheken und Archive des Staats aus. Ohne Berücksichtigung des Slavischen kann weder die Vergangenheit, noch die Gegenwart Österreichs vollständig und in wahrhaft wissenschaftlichem Sinne begriffen und gewürdigt werden. Dasz die Geschichte der meisten von den Slaven bewohnten Länder Österreichs, Böhmen ausgenommen, noch immer so unvollkommen und dürftig erscheint, daran ist vorzüglich die bisherige Nichtbeachtung und Nichtbenutzung der einheimischen slavischen Quellen schuld. Die Kräfte einzelner Dilettanten, die gewöhnlich bei ihrer Liebe zu der angestammten Sprache mit bitterer Armuth ringen müssen, reichen hier nicht aus, und an einem vom Staate gehegten und geschützten Mittelpunkte fehlt es bis jetzt gänzlich. Nicht einmal für die Erhaltung der vorhandenen wichtigsten Denkmäler der slavischen Geschichte und Litteratur ist, mit alleinziger Ausnahme Böhmens, gehörig gesorgt. Hunderte von schätzbaren slavischen Urkunden, Handschriften, Inkunabeln und sonstigen seltenen und werthvollen Drucken wandern in jedem Decennium aus Galizien, Ungarn, Illyrien, Slavonien, Kroatien, Dalmatien nach Ruszland, England und Frankreich aus. Fremde Gelehrte durchreisen, von ihren Regierungen mit bedeutenden Geldmitteln ausgerüstet, die slavischen Provinzen der Monarchie und führen volle Fuhren von slavischen Sprach- und Geschichtsdenkmälern aus, deren Werth man in der Heimath leider nicht zu schätzen weisz. Dabei bleiben selbst die Archive nicht verschont. So wurden vor etwa fünfzehn Jahren bei der durch einen der hohen Staatsregierung fernstehenden Slavisten, zufällig veranlassten Übertragung des Archivs eines ehmaligen süd-slavischen Freistaats nach Wien, mehrere der ältesten und wichtigsten Urkunden bulgarischer, serbischer und bosnischer Fürsten verschleudert, und kamen nicht in das k. k. Haus- Hof- und Staatsarchiv, weil man keinen verläszlichen Slavisten zur Inventirung hingeschickt, sondern ein so wichtiges Geschäft unwissenden und unberufenen Händen anvertraut hatte. Wenn diese und ähnliche Denkmäler dadurch auch nicht gerade für die Menschheit verloren gehen, so ist dies doch immer ein Verlust für das indigene Volk, welches an den Erinnerungen aus seiner Vorzeit mit Liebe hängt, und ein Verlust für den Staat, der doch auch vom geistigen Brode leben musz, wenn er unter den übrigen Staaten grosz und mächtig dastehen will.

Endlich scheint uns auch die Ehre, der Glanz und die Würde der Monarchie zu erheischen, dasz die Hegemonie der slavischen Sprachwissenschaft, welche bis jetzt unbestritten bei den österreichischen Gelehrten war, nicht plötzlich und unwiederbringlich in fremde Hände falle. Die höhere slavische Sprachwissenschaft wurde durch österreichische Gelehrte

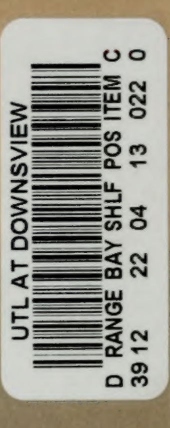
und auf österreichischem Boden, durch den Paulane Fortunat Durich, den Abbé Joseph Dobrowsky, den k. k. Hofrath und Hofbibliothekskustos Kopitar und ihre Nachfolger geschaffen. Noch ist das Primat der slavischen Sprachwissenschaft den Händen österreichischen Gelehrten nicht entwunden; noch sind Kräfte da, welche es schützen und auf die Nachkommenschaft verpflanzen könnten, wenn ihnen die hohe Staatsregierung zu Hülfe kommt. Geschieht dies nicht, so ist das Verkümmern und Verkommen der slavischen Philologie in Österreich zu eben der Zeit, als sie in andern Staaten, namentlich in Ruszland, künstlich mit groszen Kosten und nicht ohne Erfolg gehoben wird, unabwendbar, denn das Maximum, was durch Privatkräfte und von Dilettanten aus rein wissenschaftlichem Antrieb und nicht immer ohne Selbstaufopferung geleistet werden konnte, ist geleistet worden: von da an geht es bei uns, trotz dem Anschein des Gegentheils und trotz des Wachsthums der eigentlichen Volkslitteratur, mit diesem Zweige der Wissen, schaft nur abwärts. Ganz abgesehen von dem Erfolg der in Berlin-Breslau und Paris errichteten Lehrstühle, der immerhin bei den obwaltenden Schwierigkeiten problematisch erscheinen mag, wiewohl wir an ihm durchaus nicht verzweifeln; so ist die Errichtung von fünf slavischen Lehrstühlen an den vorzüglichsten Universitäten in Ruszland, namentlich in Petersburg, Moskau, Kief, Charkov und Kasan, eine vollbrachte Thatsache, und man braucht bei hinlänglicher Sachkenntnisz nur einige Blicke in die neuesten slavisch-philologischen Schriften von Wostokow, Reiff, Pawsky, Šimkewič, Katkow und andere zu thun, um zu gewahren, dasz die russischen Kandidaten der Professuren doch nicht ganz umsonst und erfolglos auf Kosten oder mit Unterstützung der Regierung in Berlin unter Bopp und Grimm Sprachwissenschaften studiren und dasz im Nordosten eine Morgenröthe der slavischen Philologie aufgeht, bei welcher unsere Sterne, sich selbst überlassen, bald, sehr bald erbleichen werden. Sollen dann nach zwanzig oder dreiszig Jahren unsere höher strebenden, nach Wissen lechzenden slavischen Jünglinge, ohne Mittel sich in ihrer Heimat in der höhern slavischen Sprachwissenschaft auszubilden, ihre sehnsüchtigen und wehmüthigen Blicke nach dem Norden richten, ihre häusliche Armuth mit dem fremden Reichthum vergleichen? Sollen sie, im günstigen Falle, nach Norden reisen, um dort mit groszen Kosten das zu lernen, was sie zu Hause ebensogut, wo nicht besser, und viel wohlfeiler, lernen könnten! Ist ein solcher Zustand für Österreichs Ruhm und Staatswohl wünschenswerth? Wir hoffen mit Zuversicht, dasz es die Weisheit unserer erleuchteten Staatsregierung nie dazu wird kommen lassen.

Man entgegne uns nicht, dasz die deutsche Sprachwissenschaft und Philologie in Österreich gedeihe, ohne einer Unterstützung durch einen

speciellen Lehrstuhl von Seiten der hohen Staatsregierung zu bedürfen. Die deutschen und slavischen Zustände sind himmelweit voneinander verschieden. Den deutschen Gelehrten Österreichs kommt ihr Zusammenhang mit dem übrigen Deutschlande, in Folge der geographischen Lage und der bestehenden Organisation des deutschen Bundes, wesentlich zu Gute. Es gibt nur eine deutsche Schriftsprache, nur eine Litteratur. Nun sind aber die Hebel der deutschen Sprachwissenschaft und Philologie in den Ländern des deutschen Bundes so zahlreich und mächtig, dasz es wahrlich für Osterreich keines neuen bedarf. Ganz anders ist die Stellung der österreichischen Slaven gegen ihre Stammgenossen im Auslande: jene können und werden mit diesen, wie sich auch ihre Zukunft gestalten mag, schon der geographischen Lage wegen abgesehen von der politischen, die doch auch nicht zu übersehen ist, um eine gemeinschaftliche Schriftsprache, eine Litteratur haben. Die slavische Philologie in Österreich bedarf eines speciellen, wirksamen Hebels, um sich selbstständig zu erhalten. Diesen Hebel in Bewegung und Gang zu setzen würde weder grosze Kosten verlangen, noch eine Neuerung ohne Präcedentien sein. Die Errichtung eines Lehrstuhls der slavischen Philologie würde nur die Anstalten vervollständigen, welche die hochherzigen und glorreichen Monarchen Österreichs für die slavischen Provinzial—Mundarten bereits ins Leben gerufen haben.

Die hochherzigen Monarchen Österreichs haben mehr als einmal die Pfleger der slavischen Philologie ihrer besonderen ermunternden Huld und Gnade gewürdigt, zum Beweise, dasz ihnen die Bestrebungen derselben vom Standpunkte des Staatsinteresse aus anerkennungswürdig erschienen. So verschaffte die Freigebigkeit weiland Seiner Majestät des Kaisers Franz I. dem Franziskaner P. Stulli die nöthige Musze zur Ausarbeitung seines groszen illyrischen Wörterbuchs, so erfreute sich auch Abbé Dobrowsky, während des Druckes seiner altslavischen Grammatik in Wien, der huldreichen Unterstützung desselben hochherzigen Monarchen. Sollte nicht die Vorsehung es unserem jetztregierenden erhabenen und jede nützliche Wissenschaft mit kaiserlichem Freisinn schützenden Monarchen vorbehalten haben, diese zwar edlen und schönen, aber transitorischen Akte der Wohlthat gegen einzelne ausgezeichnete slavische Gelehrte durch ein perennirendes Werk der Gerechtigkeit und Huld gegen alle slavischen Völker des österreichischen Gesammtstaates zu krönen und so seinen und des glorreichen Vaters Namen dem segnenden Andenken dieser treuen Völker, denen ein solches Werk zu Gute kommen würde, für alle Zukunft zu überliefern? Wir schlieszen mit den Worten eines der grözten Slavisten und treuen Dieners Österreichs, des k. k. Hofraths und Hofbibliothekskustos Kopitar: „In der That haben die slavischen Unterthanen des Kaisers von Österreich

einiges Recht auf den erwärmenden und belebenden Sonnenblick der Regierung: denn von den 20 (jetzt 34) Millionen, die unter diesem sanften Scepter leben, sind 13 (jetzt 17) Millionen lauter Slaven, die übrigen Deutsche, Ungarn, Italiener u. s. w." (Gramm. d. slav. Sprache 1808. S. XIX). Die treuen und fleiszigen slavischen Völker Österreichs blicken mit Vertrauen empor zum Throne und harren des Sonnenblicks!

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 12 22 04 13 022 0